

UNICUM

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

ПОБЕГ В ПРОШЛОЕ,
ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ В НАСТОЯЩЕМ

ПАРАЛИЗАТОР

UNICUM

Сергей Бакшеев

Парализатор

«Автор»

2013

Бакшеев С. П.

Парализатор / С. П. Бакшеев — «Автор», 2013 — (UNICUM)

ISBN 977-0-1308-1400-6-13007

После автокатастрофы подросток становится инвалидом. Он не помнит своего прошлого и попадает в интернат. Однажды за ним приезжают. Эти люди наняты, чтобы унижить его и убить. Попав в критическую ситуацию, подросток обнаруживает у себя особый дар – он может на время парализовать противника. Вместе с любимой девушкой он бежит из интерната, однако оказывается в руках бандитов. Они используют его дар для преступлений. Память постепенно возвращается к юноше. Он узнает, что отец был состоятельным человеком, а его записали под чужой фамилией. Как вернуться в себя прежнего? Кто враг, а кто друг? Ключ к разгадке таится в злополучной автокатастрофе трехлетней давности.

ISBN 977-0-1308-1400-6-13007

© Бакшеев С. П., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	6
1	8
2	11
3	13
4	17
5	18
6	22
7	26
8	28
9	32
10	34
11	36
12	39
13	42
14	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Бакшеев

Парализатор

Copyright © Sergey Baksheev, 2013

Пролог

Инкассаторский фургон несется с бешеной скоростью по темной извилистой подмосковной дороге. Сзади улюлюкает цветомузыка полицейский автомобиль. Ревут двигатели, визжат тормоза, хлопают выстрелы. Пули дзинькают о броню, чиркают по асфальту. Фургон виляет, мешая обгону. Типичная погоня – грабители убегают, полиция догоняет. Кто кого? Я бы тоже к этому относился с отстраненным любопытством, если бы не находился в отсеке для денег инкассаторского фургона.

Да, черт возьми! Я шестнадцатилетний пацан среди грабителей!

Мы только что захватили фургон. Инкассаторы собрали субботнюю выручку в крупном торговом центре – и тут я со своими способностями. Теперь крепкие парни в брониках лежат на земле, а меня мотает среди мешков с деньгами. Денег много, отсек забит, хочешь приподняться – вязнешь в мешках, как в сухом бассейне с цветными мячиками. И тут же упираешься в жирное тело грабителя Мони. Его тяжело ранил инкассатор. Кажется, Моня отходит.

За рулем угнанного фургона брат Мони Кабан. Рядом разъяренный Тиски. Он главный. О чем он рычит сейчас, я не слышу, а когда пихал меня в фургон, пообещал Кабану, что прикончат меня, как только смоются.

Вы думаете, мое спасение – полиция? Как же!

У ментов негласный уговор шлепнуть меня при задержании. И всё из-за дурной славы. Меня называют Парализатором. Менты панически боятся, что я обездвигу навек их мужское достоинство.

Я в полной заднице! Что же делать?

Я опираюсь на бесчувственного Моню и приподнимаюсь на локтях. Вижу мощный загревок Кабана и рысканье фар на поворотах. Боковое зеркало взрывается осколками от удара пули. Кабан даже не вздрагивает. Природа обделила его нервами, а заодно и мозгами. За него думает Тиски. Вот он рывкает «Гони!» – Кабан жмет на газ. Прикажет свернуть мне шею – Кабан крутанет ручищами, словно банку огурцов открывает.

Терять мне нечего, будь что будет!

Я сосредотачиваюсь. Мозг формирует податливую глиняную копию Кабана. Внутренним огнем ненависти я могу обжечь и превратить в керамику любую часть мысленного образа, чтобы парализовать ноги или руки реального Кабана. Если напрягусь, могу целиком обездвигить тупого борова. Но скорость дикая, машина неминуемо разобьется. И что в итоге?

Фары выхватывают предупреждающий знак железнодорожного переезда. Мигают красные огни светофора. Как выпученные глаза пьяницы фонари удивленно пялятся на несущийся автомобиль. Опускается шлагбаум. Слышен гудок приближающегося локомотива. Кабан сейчас инстинктивно ударит по тормозам, но я принимаю безумное решение и фиксирую его ногу на педали газа.

Кабан орет. Фургон мчится на шлагбаум. Скошенное бронированное рыло нашей машины принимает удар на себя, полосатую трубу как щепку подбрасывает над крышей. Мы проскакиваем перед носом несущегося локомотива.

Фу, пронесло!

Но радость преждевременна. Волна плотного воздуха от состава бьет по фургону. Машину сносит, она становится неуправляемой и, кажется, уже летит. А впереди фура, остановившаяся перед светофором. Нас разворачивает и несет на нее.

Удар!

Бампер многотонной фуры соревнуется в прочности с бронированной кабиной. Оба противника в проигрыше. Бампер в расход, а наш фургон, кувыркаясь, летит на стволы вековых елей. Я зажат между толстым Моней и рыхлой массой денег. Долго ли мне осталось?

Секунды, минуты? Вряд ли часы. Я многое узнал за последний месяц. Надо успеть объяснить, как я, Павел Соломатин, воспитанник провинциального интерната для инвалидов, докатился до такого бесславного конца.

1

Большой черный джип с московскими номерами нагло въехал на тротуар под тусклые огни мерцающей вывески «Голубая лагуна». Это было единственное заведение в Верхневольске для мужчин, избегающих женских прелестей. Из джипа вышел кряжистый угрюмый дядька слегка за сорок с седым ежиком волос.

– Мне по делу, – объяснил он двум молодым спутникам с золотыми цепями на толстых шеях.

Охранник кафе перехватил тяжелый взгляд гостя и посторонился. Ступени из состаренного кирпича привели посетителя вниз. В полумраке подвального помещения пахло потом, выпивкой и духами. Нежная музыка сочилась из кирпичных стен, как липкая влага. Гость подошел к барной стойке, выложил тысячную купюру и двумя пальцами за воротник подтянул к себе худосочного бармена:

– Где Голубок?

Бармен мельком оценил купюру сквозь протираемый бокал, поперхнулся от крепкого захвата и просипел:

– Вторая ниша слева.

Посетитель вальяжно похлопал бармена по щеке.

– На эти деньги принесешь мне коньяка, лучшего.

В следующую минуту его рука отодвинула голубую портьеру с изображением стайки очаровательных рыбок, пристроившихся в хвост друг другу. Появление в приватной нише неожиданного гостя нарушило ласковое бормотание смазливой юноши в леопардовых лосинах, вьющегося около тридцатилетнего стильно одетого Дениса Голубева.

– Привет, Голубок. – Кряжистый мужчина плюхнулся на мягкий диванчик. Сильная рука подтолкнула удивленного юношу. – А ты погуляй, рыбка. Скройся!

«Рыбка» хлопнул накрашенными ресницами и бесшумно выскользнул.

– Юрий Николаевич! – Денис Голубев изобразил радость, узнав бывшего школьного учителя физкультуры Савчука.

Когда-то в детско-юношеском лагере Савчук стал первым наставником однополой любви для четырнадцатилетнего Дениса. Не все мальчики оказались такими же покладистыми как Денис Голубев, и через год Савчука посадили за причинение тяжких телесных повреждений несовершеннолетним. За стальные руки бывший борец получил на зоне прозвище Тиски. После освобождения он перебрался в Подмоскowie, где застал закат эпохи беспредела. Крепкое рукопожатие до перелома косточек делало многих неуступчивых коммерсантов сговорчивее. Однако радикальная смена власти в Кремле заставила бизнес платить налоги, денег на бандитов у предпринимателей не осталось.

Пришлось Тиски вплотную заняться теневым бизнесом. Он подмял под себя сеть борделей, где оказывались услуги на любой вкус. В этом был и личный расчет. Животную тягу к мальчикам осторожный Савчук скрывал. Чтобы не отличаться от корешей, ему приходилось преодолеть брезгливость и демонстративно пользоваться услугами проституток. Но природу не обманешь. Положение босса позволяло ему предаваться тайным страстям с малолетками.

Денис Голубев за минувшие годы стал учителем английского. Его репетиторские занятия с мальчиками сопровождались двусмысленными скандалами, и молодому специалисту пришлось оставить школу. Голубев устроился преподавателем в интернат для сирот-инвалидов, где испытывали острую нехватку кадров, закрывали глаза на странности персонала и даже к смерти подопечных относились философски. «Отмучился, бедняжка».

– Сами приехали? – удивился Голубев. Он периодически отправлял воспитанников интерната в бордели Савчука. Одни поддавались уговорам о сладкой жизни, к другим применялась сила.

– Тебя давно не видел, – осклабился Тиски.

Денис потупил взор, придвинулся к наставнику, коснулся рукой его колена.

– Убери клешню! Ты стар для меня. – Тиски понюхал недопитый коктейль с ломтиком лимона на засахаренном крае, поморщился. – Дрянь!

Бармен принес бокал коньяка. Тиски залпом опустошил бокал, впился зубами в лимонный ломтик, снятый с коктейля, вытер салфеткой пальцы.

– Теперь перейдем к делу, Голубок. Новые ампути есть?

– Есть одна, без руки.

– Лучше бы без ноги, на них спрос больше.

– Можно устроить. Толкну девчонку машиной – к нужному хирургу, ампутация...

– Сами сделаем, если понадобится. Девка стоящая?

– Класс! – поднял большой палец Денис. – Но не объезженная, с гонором.

– Со мною Кабан и Моня. Дашь знать, где можно будет взять девчонку. Они объездят.

И в хвост, и в гриву!

В ответ на сальный оскал гостя Голубок вежливо улыбнулся.

– Я вижу в столице ампути в моде. У нас до такой фигни еще не дошло.

– У местных мужиков мозги на водку заточены, а в Москве есть фанаты Венеры Милоской. Слышал о такой?

– Статуя без рук.

– Во-во! Ученые перцы пришли к выводу, что у греческой бабы рук по жизни не было. А она, между прочим, эталон женской красоты. Стандартные киски с длинными ножками – это ширпотреб. Только потеряв что-то, женщина становится неповторимой. Вот такая мулька в башке у тех, кто называет себя девоти.

– У кого?

– У девоти! Они открыли для себя непревзойденную красоту женщин ампути.

– Москва, блин! – уважительно причмокнул Голубок.

– Человеческая похоть не имеет границ, ты же знаешь. А в Москве умеют любое дерьмо в красивую обертку завернуть. Грех на чужих грехах не зарабатывать.

Голубок покорно кивнул. Спорить с бывшим эком о грехе и вере, себе дороже.

– Но приехал я не только за девкой. – Тиски наклонился и посмотрел в глаза Голубку. – Есть заказ на паренька-инвалида.

– Для этого дела? – понимающе улыбнулся Голубок.

– Нет, чтобы задачки решал! – заржал Тиски.

– Не проблема. У меня есть славный, покладистый, обученный децепешник. Четырнадцать лет, а выглядит на двенадцать. Грезит о Москве.

– В этот раз нужен колясочник.

– Колясочник? Кто с ним возиться будет?

– Я же говорил про безграничную похоть. Беспомощность тоже возбуждает. Иначе не было бы наручников и повязок. И с чего ты взял, что с колясочником будут долго возиться?

Голубок задумался, потянул коктейль через трубочку. Он никогда не брал в голову, как долго используют, поставляемых им мальчишек и девчонок, и что с ними происходит потом.

– Подберу кого-нибудь. Есть варианты.

Тиски покачал головой.

– Нет у тебя вариантов. Мне нужен Павел Соломатин.

Голубок не понимающе уставился на Тиски.

– Да ему уже шестнадцать. У него пушок на губах!

Тиски не стал объяснять, что есть заказ на убийство парня. И по отработанной технологии, жертва должна загнуться в качестве продажного мальчика от передозировки наркотой.

– Не твоего ума дело! Я приехал за конкретным уродом. Натаскаешь за три дня? Чтобы знал, что к чему.

– Я думаю...

– Да хрена тут думать! Обещай золотые горы и трахай во все дыры. – Тиски встал. – Короче так! Даю три дня, потом забираю мальчишку. Девку безрукую можешь передать раньше, чтобы мои быки не скучали. И сработай чисто. Усек?

– Я всё сделаю. Объявлю их беглецами, как обычно. Интернатских все равно не ищут. Не первые, не последние, – испуганно хихикнул Голубок.

2

– Солома, ты словно с луны свалился! Тебе уже шестнадцать! Через год тебя выпихнут из интерната – и живи, как хочешь! Думаешь, инвалидного пособия тебе на жизнь хватит? Фиг! Кому ты нужен, сирота убогая! А я тебе дело предлагаю.

Солома – это я, Пашка Соломатин. А кричит на меня Женька Киселев по кличке Кисель. В интернате у всех клички. Солома и Кисель вполне сносные. Есть, например, у нас Вонючка – худой тринадцатилетний пацан с тяжелой формой ДЦП. Он, как и я, колясочник, но даже говорить не может, а руки его такие кренделя выделывают, что пока ест вечно изляпается. Одежду каждый день не поменяешь, вот от него и воняет.

Я смотрю на раскрасневшегося от пылкой речи Женьку Киселева. Его голубые глаза блещут, светлая челка растрепалась, и красивое лицо приобрело ореол одухотворенности. Хоть сейчас на обложку журнала. Только снимать надо по пояс. Ниже у Киселя искривленные тяжелой болезнью ноги. Но я все равно завидую ему. Кисель довольно бодро передвигается на костылях, а я никуда без расшатанной инвалидной коляски. Скрипучие колеса и продавленное сиденье между ними – это мои ноги, моя надежда и мое проклятие.

Кисель младше меня на два года, но нас приняли в интернат в один день, поэтому мы скорешились. Сегодня утром он прервал мои лежачие упражнения на кровати и вытащил на задворки в укромное место для разговора. Кисель глотает пиво из прозрачной бутылки, давится пеной. Пиво теплое и шибает в нос. Бутылки Кисель припер, так же, как и сигареты. В последнее время у него денежки водятся.

– Я не врубаюсь, ты на что намекаешь? – интересуюсь я.

– Есть одна фигня, через которую нужно переступить. – Кисель вытирает ладонью рот и неожиданно срывается: – Надо думать о будущем, о деньгах, а не корчить из себя недотрогу!

– О будущем? Или о деньгах? – подкальываю я приятеля.

– Без денег нет будущего! – отрезает он.

– Ты можешь говорить прямо, Кисель?

– Эх, Солома. Что ж тут непонятного. – Женька с опаской зыркает по сторонам и, хотя рядом никто не вертится, переходит на шепот. – Дэн меня кое-чему научил.

Наш преподаватель английского тридцатилетний Денис Голубев выгодно отличается от матерых воспитателей интерната. Он не кричит, загадочно улыбается, а выглядит так, словно только что сошел с круизного корабля, где царит вечный праздник. В общем, клевый чувак, свой в доску! Любит по душам поболтать, и моим здоровьем интересуется.

– И чему же он тебя научил? Английскому мату? – ухмыляюсь я.

– Дурак ты, Солома. Забудь об английском, хотя он тоже нам пригодится. Дэн обучил, – и Кисель шепчет мне на ухо: – как делать приятное мужчинам.

Ни хрена себе! Я шарахаюсь и плююсь на приятеля.

– Чего?!

– Того! Тому самому, что им делают женщины!

– Но ведь ты... у тебя не как у женщин.

– Какой же ты дремучий, Солома. – Кисель смачно обсасывает пивное горлышко и затягивается сигаретой. В уголках его губ дрожит похабная улыбка. – Секс понятие многогранное. Есть куча мужиков, которые предпочитают юношей и платят за это.

Он отклячивает задницу и игриво вертит ею. Я потихоньку въезжаю, к чему клонит Кисель. Он всегда цеплялся за любой способ заработка, но чтобы такое! О, боже! Многие еще не укладываются в моем куцем сознании.

– Но ведь мы...

Я смотрю на свои обездвиженные ноги, на скрюченные коленки Киселя между костылей, и не могу произнести очевидное. Я урод! Калека! Инвалид! Или, как придумали люди из телевизора, ЧОВ – человек с ограниченными возможностями. А некоторые приторно добренькие чиновники лыбятся на телекамеру и убеждают: «с неограниченными», или нахваливают: «это особенные дети». Их бы под поезд, а потом в мое кресло. Наслаждайтесь «неограниченными» возможностями «особенные»!

Кисель прекрасно понимает меня.

– В том-то и фишка, Солома. Есть чокнутые, готовые платить за уродство реальные бабки. Во! – Возбужденный приятель демонстрирует в кулаке свернутые купюры. Это впечатляет.

– И что же ты делаешь?

Женька допивает пиво, бросает пустую бутылку в помойку и под звон бьющегося стекла вытирает губы.

– Ты «Бейлиз» пил?

– Что это?

– Обалденный ликер, сладкий, вкусный. Дэн угостит, когда к нему приедешь.

– Зачем мне к нему?

– Для обучения, дурачок. Дэн натаскает, а после сведет с богатым дядькой.

– Дэн будет меня трахать?

– Не дрейфь, Солома! Как говорится, больно будет только вначале. – Женька нервно хохочет пока по его лицу не пробегают судорога. – Ты главное выпей побольше, чтобы башка отключилась. Представь себя куклой с дырками, расслабься и потрепи...

– С дырками...

Ох, ни фиги себе! Вот это перспектива!

Я пытаюсь пошутить:

– Моей самой прекрасной в мире попки ему будет мало?

Но Кисель не замечает иронии. Он воплощение серьезности.

– Дэн сегодня мне шепнул вот что. Если ты не будешь корчить недотрогу, через три дня он нас переправит в Москву. Там шизанутых гомиков с баксами пруд пруди. Будем жить на квартире. По вечерам улаживать голубых, а днем тратить бабосы и наслаждаться новой жизнью. Это наш шанс, Солома! Нам надо держаться друг за друга!

Я с ужасом понимаю, что его планы могут исполниться. Меня ждет счастливое будущее в объятьях похотливых извращенцев.

Хрен тебе! Сегодня я докажу Киселю, что меня ждет другая судьба!

3

Я делаю ход слоном и нажимаю кнопку шахматных часов. Я впервые играю с контролем времени, сначала это жутко нервировало. В нашей школе-интернате шахматных часов отродясь не видели. Тринадцатилетний мастер спорта Даниил Бардин приехал со своими. Он только что провел сеанс одновременной игры на восьми досках, и всех разделал под орех! Я тоже у наших ребят выигрываю, и договорился сразиться с юным мастером один на один. Это ради меня Валентина Николаевна пригласила своего одаренного племянника. Она знает, что я мечтаю стать гроссмейстером. Ведь инвалидность шахматам не помеха, а гроссмейстеры участвуют в коммерческих турнирах с хорошими призовыми.

Даниил Бардин продвигает слона на две клетки вперед. Он разыграл сицилианскую защиту. Но я не тупой валенок, и знаю этот дебют из книжки. Сейчас игра перешла в эндшпиль. Бардин уверенно теснит моего короля, однако, по фигурам у нас равенство, и я не думаю сдаваться. Я вообще никогда не сдаюсь и сражаюсь до последнего.

Вокруг тяжело дышат воспитанники, все с нарушением опорно-двигательного – такая у интерната специализация. Децепешники с гиперкинезами дергаются, их ходунки и костыли то и дело задевают друг о друга. Миопаты, спокойнее, с ними, порой, я и играю в шахматы. Децепешников у нас большинство, кого в роддоме бросили, кого после. Еще есть ампутанты или, как я, с травмой опорно-двигательного: спинальники и шейники. Мне повезло, я спинальник. У меня только ноги не двигаются. Еще башка периодически трещит, но это мелочь.

Мое инвалидное кресло, несмотря на стояночный тормоз, давно припечатали к столу. После ошеломляющего поражения нашей команды никто не осмеливается давать советы. Валентина Николаевна ободряюще подмигивает мне, а Кисель провис на костылях и скептически кривит рот. Он не верит, что я стану гроссмейстером. У него другой план – работать не мозгами, а мягким местом.

Наша игра идет полтора часа. Каждый сделал по сорок ходов, я, как будущий профессионал, записываю партию. Бардин милостиво предлагает ничью, я отказываюсь и слышу дружный вздох изумления. Бардин тоже недоумевает, посматривает на свою тетушку. Но мне не нужна ничья. Я хочу доказать Киселю, что я не кукла с дырками!

Еще пара осторожных ходов. И вот Бардин ставит ладью под моего коня. Во дела! Что это: хитроумная жертва мастера или мальчишка устал и сделал ошибку? Я лихорадочно перебираю возможные варианты. И так и так хорошо. Где подвох? Часы тикают необычайно громко, а сердце вообще колотится молотком под горлом. Я поднимаю коня и потными пальцами снимаю с доски ладью соперника. Слежу за Бардиным. У него дергается глаз, лицо бледнеет. Через два хода он останавливает часы и, глядя в пол, жмет мне руку.

Ура!!! Я победил! Я выиграл у мастера спорта!

Гул удивления наполняет комнату. Среди возбужденных лиц я ищу самое желанное.

Как же так, ее нет!

Марина Андреева по кличке Марго не видит моего триумфа. Самая клёвая девчонка не интересуется шахматами. Я сделал такое, а ей фиолетово! Она ушла, не дожидаясь окончания партии.

Горечь обиды возвращает меня к реальности. На что я рассчитывал? Кто я, а кто она! Я беспомощный инвалид-колясочник, а у нее только правой руки нет. У нас даже кликухи разного уровня. Солома и Марго – чувствуете разницу? А какая у нее фигурка. А глазищи! Вы бы видели, как плавают под ресницами ее серые льдинки, когда она мечтает.

Валентина Николаевна привычно подавляет шум голосов:

– За эту победу Соломатин награждается поездкой в Москву. Поздравляю!

Ох, ни фиги себе!

Валентина Николаевна вручает мне особую открытку с печатью и подписью директрисы. На ней изображен собор Василия Блаженного и Красная площадь. Обладатели таких открыток через месяц поедут на экскурсию в Москву в специальном автобусе для инвалидов. Там всего двенадцать мест, которые достанутся лучшим из лучших. Я буду в Москве!

– А сейчас состоится чаепитие! Перемещаемся в столовую. Колясочников пропускаем вперед.

Когда-то Валентина Николаевна пришла работать в интернат физиотерапевтом, а потом стала еще и воспитателем. Здесь многие крутятся на двух ставках. Она помогает мне выбраться и направляет коляску по коридору. В столовой нас ждут сдобные печенья, которые крошатся и оставляют масляные следы на пальцах. Мне достаются целых три, остальным по два, но ребята не ропщут, все-таки я победитель.

Я запиваю сладкое лакомство теплым чаем и вдруг...

Голос у Валентины Николаевны командирский. Его слышишь, даже когда она говорит шепотом на ушко своему племяннику.

– Спасибо, Данька. Для тебя это ничего не значит, а у калеки, глянь, какая радость.

Тринадцатилетний мастер спорта бурчит:

– Я мог победить еще на двадцать втором ходу.

Его слова, как удар под дых. С минуту мир кружится перед глазами темными пятнами. Я разворачиваю листок, читаю партию. Так и есть, на двадцать втором ходу вместо убийственной вилки конем Бардин двинул пешку. Грудь сжимается от обиды. Печенье застревает в горле. Я кашляю, выплевываю крошки и сжимаю веки. Бесполезно. Слезы просачиваются из-под ресниц. Я дергаю обода колес, и давлюсь искусственным кашлем. Все уверены, что я подавился из-за жадности.

У калеки, глянь, какая радость.

Да пошли все к черту! Скорее отсюда, пока не разревелся как обиженная девчонка. Я почти мужчина, мне уже шестнадцать, в этом возрасте плакать не полагается! В шестнадцать многие совершали подвиги, устанавливали рекорды, ходили в бой.

Ходили... Когда вы слышите, как по коридору шаркают тапочки, у вас какая реакция? У меня жутко чешутся ноги ниже колен. И выступают слезы. Чешутся – это хорошо, а слезы... Тоже неплохо, реже в туалет с коляской тыркаться.

Колеса скатываются с шершавого асфальта в траву. Я прячусь в укромном месте – в кустах за помойкой. Сейчас знойное лето, но ржавые баки не пахнут. В них практически нет пищевых отходов, интернатские глотки, как желторотые птенцы, глотают всё подряд. Я растираю слезы, перемешанные с соплями, и беззвучно реву. На что я рассчитывал? Гроссмейстер, победы на турнирах. Как же! Крамник в шестнадцать уже был гроссмейстером, а у меня нет даже разряда. Тринадцатилетний мальчишка мне проиграл из-за жалости. Всегда будут тысячи шахматистов, которые играют лучше меня. А мне останется лишь уповать на жалость. Как и любому инвалиду.

Я тут же представляю, что лежу мертвый. Бросился с крыши или утопился. Нет, лучше отравиться, чтобы тихо и без боли. Со мною прощаются наши. Многие плачут, Валентина Николаевна говорит хорошие слова, а одна самая красивая девочка вдруг закричит от горя и упадет без чувств на мою грудь. И вот тут я открою глаза, обниму ее, а она...

Черт, ну что за бред! Я же не девчонка!

Я рыскаю пальцами в щели бетонного забора и достаю припрятанные окурки. Чиркаю спичкой, затягиваюсь. Это по-мужски. Как только заканчивается один бычок, прикуриваю следующий. Сигареты разные. Я их подобрал в урне на автобусной остановке. Для этого пришлось ехать аж к кинотеатру, около интерната всё подчищают наши ходячие малолетки.

Под забором что-то пискнуло, зашевелилось. Ничего себе, мой окурочек угодил в рыжего котенка! Да он тут неплохо устроился в коробке из-под обуви.

Меня отвлекает шорох веток. Кто-то лезет на мою заветную территорию. Я оборачиваюсь и вижу стройные ноги в джинсовых шортах и укороченную обтягивающую футболку, открывающую пупок. Даже не поднимая глаз, я знаю, кто это. Та самая девочка из моей похоронной фантазии. Гордячка Марго!

Не глядя на меня, она бросается к котенку. Выбрасывает из коробки окурки, и рыжий пушистый комочек оказывается прижатым к ее груди. Марго поддерживает его культей правой руки, а полноценной левой ласково гладит.

– Ты изверг, Солома!

– Я случайно.

– Каждый случайно, а потом вот. – Она поднимает кошечку, я замечаю, что передняя лапа плотно перебинтована между расщепленным обломком карандаша. – Вчера ее машина сбила.

Марго опускается на колени, раскрывает перед котенком упаковку творога и крошит туда таблетку.

– Это зачем? – спрашиваю я.

– У нее кость сломана, нужен кальций. – Ее голос теплеет. – Я назвала ее Атя.

– Атя? Что за дурацкая кликуха?

Марго не отвечает. Обиделась, что ли?

Пока котенок жадно ест, она встает, сдувает завиток со лба и поправляет непокорную прядь гладкой культей. Дерзкие глаза ехидно смотрят на меня.

– Чего ныл, Солома?

– Я?!

– Да вон, под глазами мокро. А говорят, ты выиграл.

Глубокая затыжка, дым в сторону и плевок сквозь зубы – вот что надо, чтобы выглядеть невозмутимым. Я отмахиваюсь.

– Это от дыма.

– Что от дыма? Выиграл или ноешь?

– Да не ною я! Отвяжись!

– И то, правда. Мне бегать пора. – Марго возвращает котенка в коробку, подозрительно смотрит на меня. – Если ты обидишь Атю, или кому-то расскажешь про нее...

– Больно надо!

Марго делает шаг к кустам. Самая красивая девчонка, доверившая мне свою тайну, собирается уходить!

– А чего ты бегаешь? – торопливо спрашиваю я.

– К олимпиаде готовлюсь.

– Офигеть! К какой олимпиаде?

– К паралимпийской. Слышал о такой?

– Кто тебя возьмет, Марго?

– Будут результаты – возьмут.

– Ага, разбежалась.

Марго шагает ко мне, наклоняется, ее сузившиеся серые глаза ранят презрением.

– Ты прав, Солома, не напрягайся, плыви по течению, как дерьмо! Кури, пей, забей на учебу! Всё равно станешь попрошайкой, на большее ты не способен. Привезут, на точку поставят, и каждый вечер нальют водки. Не жизнь – сказка! Жаль, что ноги тебе не ампутировали. Ампутантам больше подают.

Я опускаю взгляд на мои никчемные ноги в вечно новых тапочках. На коленях в пожелтевших пальцах тлеет сигарета, огонек жжет, я вздрагиваю и отшвыриваю окурки. Сейчас я отвечу дерзкой девчонке, брошу в лицо что-нибудь гадкое и обидное. Уж чему-чему, а ругаться в интернате жизнь научила.

Марго поворачивается так резко, что хвостик русых волос взлетает параллельно земле. Я замечаю подошву стоптанных кед. Мягкая поступь бегущей девушки удаляется. Счастливая, у нее есть цель. А моя мечта оказалась блестящим ледяным скакуном, растаявшем на солнце. Я оседлал его, и очутился в луже, да и та уже испарилась.

Я кусаю обожженный палец, чтобы не заплакать. Оскал всегда похож на улыбку.
Гляньте, какая радость у калеки!

4

Денис Голубев затолкал колченогого Женьку Киселева в «Комнату творчества». От обычной аудитории она отличалась наличием расстроенного пианино, с нацарапанной нецензурной частушкой, и мольберта с засохшими красками, торжественно подаренного бородастым художником с нерусской фамилией.

– Ты уболтал Солому?

– Он ни в какую. Но я еще попробую.

– Так я и думал.

Дэн без осуждения смотрел на Киселя. Его терзало двойственное чувство: щекочущая радость, что милый мальчик с нежной кожей и пухлыми губками пока останется с ним, и некоторая нервозность, что придется обламывать неуступчивого Соломатина. С ним он достаточно беседовал и понял, что тот будет противиться мужским ласкам. Время упущено. Сексуальные ориентиры мальчика можно сбить лет с двенадцати до четырнадцати. Что и проделано с Киселем, а до него с другими. А Соломатин переросток. Ему уже шестнадцать, на девичьи сиськи заглядывается. Однако Тиски требует в московский бордель именно этого воспитанника.

«Туда Соломе и дорога! – неожиданно обозлился учитель английского. – Надоел за три года упрямый колясочник».

Спустя месяц после появления Павла Соломатина в интернате к Голубеву по электронной почте обратился московский нотариус. Он предложил деньги за ежемесячные отчеты о состоянии мальчика-инвалида. Дэн согласился. С тех пор приходилось изображать дружбу с мальчишкой, из физиотерапевта сведения вытягивать и тайно копировать заключения врачей из медицинской книжки подростка. В прошлом месяце Дэн сообщил в письме, что Соломатин впервые назвал имена родителей и вспомнил, что часто играл с маленькой девочкой. Недавно физиотерапевт сделала пометку, что зафиксировала слабую чувствительность ног. Сегодня, когда Дэн копировал медицинское заключение, его застукала Валентина Николаевна. Пришлось наплесть какую-то ерунду. Получилось неубедительно.

Но ничего, скоро лишняя нервотрепка закончится. Для этого нужно выполнить поручение Тиски, и сплавить мальчишку.

– Чего Солома боится больше всего? – спросил Голубев.

Худенький Кисель, подпертый костылями, умудрился пожать плечами.

– Остаться на всю жизнь инвалидом.

– Эта неприятность ему уже гарантирована.

– Солома упертый. К спинке кровати фанеру приставил, ногами пытается давить, упражнения разные делает. Я с рождения такой, свыкся. А Солома помнит себя на ногах.

– По-моему ему память отшибло после аварии.

– Чего-то, может, и вылетело из башки, а живые ноги никто не забудет.

– А что он любит?

– Смотреть в окно, когда идет снег.

Дэн откинул крышку пианино, прошелся длинными пальцами по клавишам. Инструмент ответил невнятно. Дэн покачал головой, привычные ориентиры – боль и любовь, ничем не помогли ему. И как с таким колясочником работать, где его болевые точки? Хорошо, что существуют другие покладистые дети.

Дэн ласково погладил Киселя по щеке.

– Ладно, ступай. На днях прокатимся ко мне на квартиру.

5

У меня сильные руки, потому что они мне заменяют ноги. У вас на пятках грубая кожа? У меня такая же на ладонях. Им вечно приходится толкать шершавый обод.

Я еду по коридору. Манжеты рубашки трутся о колеса, одежду бесполезно стирать. Сейчас еще ничего, сухое лето, а вот по весне, когда грязища – караул!

На кой нам выдают светлые рубашки, если рукава все время черные? Зимой я вообще не могу выбраться на воздух, сижу у окна и люблюсь чистым снегом. Когда-то я радостно бегал по сугробам и даже – подумать страшно – катался на горных лыжах! Как же давно это было, в другой нереальной жизни.

За две зимы в интернате я только раз проехал по заснеженной дорожке. Мне помогала Валентина Николаевна. Она добрая. И шахматная подставка тоже от ее безмерной доброты. Хоть я и цеплялся изо всех сил за холодный обод, тяжелое дыхание пожилой женщины за спиной давило на совесть. Когда мы вернулись, в моих глазах был восторг, а в ее усталость. В следующий раз я отказался от зимней прогулки. Детей-инвалидов в нашем интернате около ста, а воспитателей, желающих помочь, раз-два и обчелся.

Три года назад я ехал с родителями по загородному шоссе, и в наш автомобиль врезался «камаз». Родители погибли, а я оклемался после недельной комы. Ребра и руки срослись, а вот ноги отказали. Врачиха убеждала – счастливчик! Ну не дура, а? Так я остался сиротой и загремел в интернат для инвалидов. В момент аварии еще башкой капитально приложился – прежняя жизнь с тех пор, как в тумане.

Говорят, я из Москвы. Может и так. У меня нет ни одной фотографии из прошлого. Отдельные события являются, словно из полузабытого сна. То ли это было на самом деле, то ли всё нарисовала больная фантазия. Автокатастрофа отобрала у меня не только здоровье, но и прежнюю жизнь. Я силюсь вернуть ее, но память отпускает прошлое по крупичкам.

Многим новоиспеченным колясочникам снятся сны, в которых они могут всё – гонять мяч, крутить педали и бегать по лужам, поднимая живыми ногами тучи брызг. Подобные сны у меня тоже бывают. Но чаще меня преследует один и тот же кошмар. Оранжевая морда «камаза» медленно движется на меня. Я пытаюсь отбежать, но ноги не слушаются. «Камаз» увеличивается, заслоняет весь мир, я дергаюсь, кричу и в ужасе просыпаюсь. Очнувшись, я понимаю, что этот тот самый «камаз» – убийца моей семьи. И чтобы понять, что произошло, я должен досмотреть кошмар до конца.

Сейчас я еду на физиотерапию. Массаж нужен, чтобы поддерживать кровообращение в мертвых мышцах ног. Врачи говорят, что всегда остается надежда на чудо. Так они утешают. Ног я почти не чувствую, но пару раз, когда Валентина Николаевна сгибала мои колени, словно паук пробегался по дряблым икрам, всаживая ядовитые клешни. Было приятно. Порой меня мучат спонтанные головные боли. Но про это лучше не жаловаться. Рецепт один – горсть успокаивающих таблеток, после которых стремительно превращаешься в овощ. У нас и такие есть.

Что тут добавить. В интернате быстро понимаешь, что в жизни нет справедливости: одним здоровье и деньги, другим ущербное тело, боль и нищета. А граница ужасно хрупка – неосторожный поворот руля, идиотский толчок приятеля, выпендренный нырок на мелководье или мыльная лужа в ванной. Здесь каждый второй расскажет подобную историю, но чаще промолчит. «Угу... Ага... Да пошел ты!» – типичный лексикон большинства интернатских, когда им лезут в душу. Лучше читайте по глазам. В них грусть и боль. И капелька надежды.

Я толкаю дверь кабинета физиотерапии. У нас почти все двери качаются туда-сюда. Вы не представляете, как это удобно. И классно, когда порогов нет.

– Здравствуйте, Валентина Николаевна! – бодро приветствую я, помня о ее словах, что оптимизм – это тоже лекарство. Я уже простил ее за спектакль с шахматами. Она ведь хотела, как лучше.

Из-за ширмы появляется улыбающийся Дэн Голубев.

– А где? – невольно дергаются мои губы. Какого хрена он здесь делает!

– Ты заезжай, Солома, не стесняйся. Валентина Николаевна на больничном. Здоровые тоже болеют.

За моей спиной щелкает задвижка входной двери. Я останавливаюсь напротив топчана, на котором делают массаж. В голове переполох, я не понимаю, как поступить.

– Тогда в следующий раз, – выдавливаю я.

– Зачем же. Процедуру нельзя отменять. Ты ведь знаешь, каждый из преподавателей имеет медицинскую подготовку. Я – очень хороший массажист, необычный. Сейчас я тебе это докажу. Давай, Солома, не робей, снимай штаны и ложись.

Я цепенею, вспоминаю слова Киселя: «Дэн классный! Он научит тебя делать приятное мужчинам».

Голубев подходит к столу, плескает в стакан из красивой бутылки густую жидкость, похожую на кофе со сливками, и подносит к моим губам. Стекло стучит о сжатые зубы.

– Ты что? Это «Бейлиз». Да пей же, дурачок!

Он запрокидывает мою голову, кремовый вкус обжигаящим ручейком просачивается в глотку, но большая часть ликера стекает на подбородок. Я в отчаянии. Что мне делать?!

Голубев стаскивает с меня штаны, заключает в объятия и укладывает на топчан. Я на миг задыхаюсь его приторным парфюмом, и плюхаюсь носом в пахнущую хлоркой простынь. Спасительная коляска откатывается к окну, я отрезан от безопасного мира. В голове злой смех Киселя: «Представь себя куклой с дырками!»

Руки Дэна гладят мои ноги. Я не столько чувствую, сколько слышу его движения. Он шарит по ногам, жадно тискает их. Его ладони обхватывают мои бедра, сжимают и отпускают их, затем раздвигают и пробираются выше. Его метод совсем не похож на процедуры Валентины Николаевны. Дэн странно сопит. Он дышит тяжело и часто, к сопению добавляются какие-то внутренние рычащие звуки. По моей спине бегут мурашки, как стадо сытых мух. Холод сжимает сердце, озноб пробирается к вискам, страх сковывает руки.

Я слышу новый звук. Его трудно перепутать.

Какого хрена!

Я все-таки надеюсь, что ошибся, и поворачиваюсь к Дэну. Так и есть, он расстегнул молнию и снял с себя брюки. Его глаза блестят, он возбужден.

– Отпусти! – требую я.

– Тебя разве Кисель не предупредил? Это для твоей же пользы, дурачок.

Дэн припечатывает мое беспомощное тело и с суетливым энтузиазмом накидывается на меня. Его пальцы замирают на ягодицах, ногти впиваются в мою плоть. Он громко сопит и стягивает с меня трусы.

Вот сволочь! Что он делает!

Я цепляюсь за последнюю преграду, Дэн бьет по рукам и безжалостно выкручивает пальцы. Прелюдия закончена, я обнажен. Дэн раздвигает мои бедра и наваливается, на шею капает его слюна. Ниже пояса, я не чувствую боли, но ужас от происходящего от этого не меньше. Толчок сотрясает мое тело.

«Нет! Я не хочу! Только не это!» – возмущается мое сознание. Из уст вырывается лишь жалкая просьба:

– Не надо.

Я слышу свою беспомощность и возмущаюсь. Я не такой! Я не хочу быть куклой! Я человек и должен бороться!

Я брыкаюсь плечами и приподнимаюсь на локтях. Дэн удивленно смотрит на меня.

– Потерпи, придурок, потом спасибо скажешь.

Потерпи. Какое знакомое слово, как я его ненавижу! Нас, «особенных» с «неограниченными» возможностями, вечно призывают терпеть. «Терпение, терпение и еще раз терпение», – твердят врачи. «Бог терпел и нам велел», – причитает директриса. И даже Валентина Николаевна часто вздыхает: «Вам столько еще предстоит натерпеться». Вот и Дэн прибег к циничному заклинанию.

Он ласково треплет меня за ухом и говорит:

– Это лучший выход для тебя, дурачок. Доверься мне. Я сделаю так, что тебе понравится. Я буду ласков.

Новый толчок. Это кошмар! Мне противно. Я ненавижу здорового красивого Дэна. Почему он полноценный, а я инвалид? Почему не он, а я оказался на пути ужасного «камаза»? Почему меня не убило сразу, как папу и маму? Зачем я выжил, если всю жизнь предстоит быть получеловеком!

– Ты боишься, хороший мальчик. Боишься, что будет больно. Но боль бывает сладкой.

– Нет! – Я ору и брыкаюсь изо всех сил.

– Тише. Есть и другой способ удовлетворить мужчину, – решает Дэн и шепчет мне в ухо: – Ты ведь догадываешься, о чем я. Согласен?

Я отдергиваю голову от его слюнявых губ. Дэн воспринимает это по-своему.

– Вот и хорошо.

Его рука заползает мне на затылок, становится жесткой. Он с силой дергает меня. Я сваливаюсь на пол. Дэн нервными движениями усаживает меня перед собой. Мое лицо напротив его обнаженного паха. Он возбужден и надвигается.

– Ну же! Не томи, малышка. Я весь на взводе. Закрой глаза и представь конфету. Теплый сладкий «чупа-чупс».

Твою ж мать! Как мне его остановить?

Мои руки сильны, но не настолько, чтобы одолеть здорового мужчину. Я ЧОВ, и сейчас выхолощенный стерильный термин показывает свою грязную изнанку. Ограниченная возможность – это безграничная зависимость, в данном случае от насильника. Ему предначертана жизнь, а мне прозябание. Ему удовольствие, а мне унижение.

В голове разрастается огненный шарик. Спонтанные вспышки боли преследует меня с момента катастрофы. От нее нет лекарств. Чтобы справиться с болью я обычно обхватываю голову, стискиваю зубы и сгибаюсь к коленям. Под черепом жжет, а тело колотит озноб. Голова заполняется злыми дергающимися фигурками, их не изгнать, можно только перетерпеть. В такие моменты я становлюсь еще более беспомощным.

Нет! Ни за что!

Сегодня я не буду закрывать глаза. Пусть Дэн знает, как я его ненавижу. Он может меня сломить, но не победить. Я смотрю в лицо Дэну, и внезапно чертик в голове становится уменьшенной копией насильника. Он гибок, словно сделан из мягкой глины. Я не могу уничтожить большого Дэна, но чертик в моей власти. Я уже проделывал такое. Это единственное, что мне остается наедине с болью.

Огненный шарик боли атакует копию Дэна в моем сознании. Глина твердеет под натиском огня, превращается в керамику, и фигурка становится каменной. С внутренним врагом я разобрался. Я желаю, чтобы и внешний гад окаменел и почувствовал себя жалким и беспомощным. Он на своей шкуре должен познать, что такое быть парализованным, когда тебя каждый может унижить. Я хочу встать, обрести силу в ногах и дать подонку полноценный отпор. Он храбр только с заведомо слабыми.

Злость, помноженная на желание, концентрирует энергию. Моя голова тяжелеет. Чтобы избавиться от внутреннего жжения, я выплескиваю густок ненависти сквозь зрачки. По телу

Дэна пробегает судорога. Мой взор на миг мутнеет. Я слышу звук падающего тела и не сообщаю, кто из нас упал?

Пелена рассеивается. Вот дела! Я вижу лежащего перед собой Дэна. Он словно окаменел. Как глиняный чертик в моем сознании.

Я опираюсь о топчан, поднимаюсь, цепляю свои штаны, делаю несколько шагов и сваливаюсь в родную коляску. В голове боль и пустота. Боль отпускает медленно.

Я перехватываю испуганный взгляд Дэна. Глаза единственное, что двигается в его теле. И тут я понимаю, что произошло невероятное. Дэн парализован, а я каким-то образом добрался от топчана до коляски! Я трясую головой, ощупываю себя. Нет, это не сон. Это явь! Мое желание исполнилось!

Мы потрясенно смотрим друг на друга. Проходит полчаса. Дэн начинает шевелиться. Я надеваю штаны, тараню коляской дверь и выкатываюсь из кабинета.

6

С этого момента я обрел надежду. Что произошло в кабинете физиотерапии? Каким чудом я встал и сделал несколько шагов? Почему Дэн свалился под напором моего взгляда? Я четко помнил, что хотел остановить его, и страстно желал, чтобы подонок оказался в моей шкуре. До боли в голове, до рези в глазах.

На расспросы Киселя я отвечал туманно. Мне самому предстояло разобраться в новых ощущениях. Что это было, чудо или наваждение? Теперь, щипая свои ноги, я чувствовал их, и эта колющая боль окатывала теплой волной счастья. Даже не знаю, с чем сравнить. И напрягаться не буду! Если вы не гадили под себя в инвалидном кресле и не плакали от беспомощности, то всё равно не поймете.

А еще меня мучил вопрос: нужно ли благодарить за чудо Всевышнего?

В нашем интернате нет спортзала, зато есть комната с иконами. Ее называют молельня. Там детские души, каждая на свой лад, просят об одном и том же: об исцелении. В интернате я убедился, что страдание самый быстрый путь к Богу. Если ты сирота, инвалид, а врачи бессильны, то остается лишь одна опора – вера.

Многие наши, особенно девочки, посещают храм. Местный бизнесмен с русой бородой на сытом лице присылает для этого по воскресеньям автобус. Он же организует нашу экскурсию в Москву. Один раз я ездил в храм, но мне там не понравилось. На входе ступеньки, внутри копоть от сотен свечей, а сочувствующих взглядов, как на похоронах. Лишь любопытный мальчишка с восторгом разглядывал мою коляску, пока его не отдернула мамаша: «Не лезь к безногому! Он маму не слушался, вот его Бог и наказал».

Неужели это правда? Неужели *так* наказывают за то, что я не ел кашу и бегал в школу зимой без шапки?

Я пытался, но не смог полюбить Бога. Если он всемогущий и справедливый, то почему наша машина не разминулась с «камазом»? Ведь дело всего в секунде! Один миг божьих трудов – и моя семья осталась бы жива!

На следующий день после чуда в массажном кабинете я все-таки подкатил к молельне. Дверь приоткрыта, внутри тихо, но я чувствую флюиды знакомого запаха. Вкатываюсь. Так и есть – Вонючка! По его футболке можно определить, чем нас кормили накануне. Но это не главная его проблема. Вонючка с рождения не может произнести ни слова. Для общения у него на столике, прикрепленном к коляске, есть карточки со словами и буквами. Сначала ему подготовили всего два слова – «Да» и «Нет». Воспитатели посчитали, что для дебила, каким выглядит Вонючка, этого достаточно. Но огромные глаза мальчишки кричали, что он жаждет большего, и я постепенно написал ему много разных слов.

Вонючка замечает меня и смешивает на столике свою просьбу к Богу. Тоже мне секрет! Будто я не знаю, о чем он может молиться.

Вонючка суетится с карточками. Он хочет общаться, но мало у кого хватает терпения, дожидаться пока его дергающиеся руки сложат что-то путное.

«Все умирать. Смерть не больно», – появляется на столе.

Я догадываюсь о знаке вопроса в конце фразы, потому что знаю, о чем думает Вонючка. Когда только сошел снег, он умолял меня толкнуть его коляску под грузовик.

«Смерть – это не больно?» Что ему ответить? Я вспоминаю слова Валентины Николаевны.

– Умирает только тело, а душа бессмертна.

Вонючка пыхтит от усердия, помимо рук дергаются и мышцы лица. Он составляет ответ. Я вижу «Быстро тело умирать», но Вонючке не нравится фраза из готовых слов. Он добавляет буквы. «Быстрее бы тело сдохло!»

Я отвожу взгляд, чтобы не видеть слез в глазах тринадцатилетнего мальчишки, брошенного мамой еще в роддоме. Натыкаюсь на скорбный лик на иконе. Сколько больных к нему зывают по всему свету? Только в нашем интернате около сотни остро нуждающихся в чуде. Даже если Бог работает без выходных, когда еще очередь дойдет до дурно пахнущего Вонючки из Верхневольска. А утешить его надо сейчас. Валентина Николаевна в этом случае обязательно упоминает, что есть кто-то кому еще хуже, чем тебе. Мне она говорила про Вонючку.

– Я достану тебе учебник нотной грамоты, – выпаливаю я.

Глаза Вонючки загораются. Весной каждое воскресенье весь интернат прилипал к экранам во время конкурса певцов «Фактор-А». Среди многих красивых эффектно передвигающихся по сцене исполнителей была девушка в инвалидной коляске. Она не могла танцевать, она не могла даже держать микрофон. Она могла только петь. Ее глубокий обволакивающий переливчатый голос проникал в наши сердца. Надо ли говорить, что мы все дружно переживали за нее. Юля могла быть одной из нас, незаметной и ненужной. Но она пробилась туда, по ту сторону экрана на центральный телеканал, и теперь вся страна могла убедиться, что инвалиды тоже люди, достойные всеобщего внимания.

Когда Юля пела, мы замирали. У наших дещепешников успокаивались руки и ноги. Мы не могли говорить, у каждого перехватывало дыхание, и только сердца колотилось чаще, переживая за Юлю. Когда музыка смолкала, девчонки не сдерживали слез, а мальчишки тратили последние деньги, чтобы отправить СМС-сообщения с цифрами 09 в поддержку смелой и талантливой девушки Юли.

Однажды пунцовый Вонючка признался мне с помощью карточек, что он сочинил песню для Юли. Я посмеялся. Вонючка раз за разом убеждал меня, что его голове рождаются удивительные мелодии, но он не в силах их напеть. Вот если бы он выучил ноты и записал партитуру. Освоить нотную грамоту стало его заветной мечтой. Поэтому я и ляпнул про учебник.

«И где я только достану эту книгу», – злюсь я на себя, но продолжаю обещать:

– Когда прочтешь учебник, я нарисую таблички с нотами. Ты составишь мелодию, а Дэн сыграет.

Подонки Дэн действительно умеет тренькать на пианино. Вспомнив о нем, мне становится тошно. А если он снова захочет приласкать меня? А вдруг ему будет помогать Кисель?

Злая решимость гонит меня во двор. Я уединяюсь за помойкой и заставляю себя встать. Я опираюсь руками о кресло, приподнимаю худое тело и сверлю взглядом беспомощные ноги. Ну, давайте же, напрягитесь, станьте послушными и твердыми! Я согласен хромать, ходить на костылях, держаться за воздух зубами, только бы приблизиться к состоянию нормального человека! Черт! Ведь я же был им когда-то! Я ловко бегал на этих проклятых ногах и даже не задумывался, как это делать.

Но чуда не происходит. Руки каменеют от усталости, я сваливаюсь в постылое кресло. Неужели то, что произошло в кабинете физиотерапии, больше не повторится?

Я смахиваю пот со лба и слышу ехидный голос Киселя. Выследил все-таки дружочек.

– Ты чё напрягаешься, чудило. Не напрягаться надо, а расслабляться.

– Отвали! – огрызаюсь я.

Кисель закуривает, сует мне сигарету. Мы дышим, глядя в разные стороны.

– Дэн тобой недоволен. И на меня окрысился.

– Козел он.

– Первый раз стремно, я понимаю. Ты бухни ликера для храбрости, и всё пройдет как по маслу. – Кисель панибратски хлопывает меня по плечу. – Ладно, Солома, не дури. Сейчас Дэн тебя ждет. Помочь добраться?

– Не лапай. – Я грубо спихиваю его ладонь.

– Идиот! Я тебе выход предлагаю, а ты... Придурок! Ты что думаешь, у тебя есть выбор? Конечно, есть. Я даже скажу, какой! Стать алкашом и загнуться в подворотне. Вот твоя перспектива, вшивый гроссмейстер!

Я молчу, крыть нечем. Я сам рассказал ему правду о мнимой победе. Кисель терпеливо ждет и меняет тон.

– Да хрен с ними, с дурацкими шахматами... – В его голосе заискивающие нотки: – Ну чё, поехали?

– Да пошел ты!

Женька выплевывает окурок, давит огонек костылем. Во взгляде смертельная тоска.

– Думаешь, мне приятно с Дэном... У меня план – денег скопить на операцию. В Швейцарии таких как я вылечивают, я читал. Ну, как мне еще заработать?!

Вечная надежда инвалидов: где-то далеко за большие деньги с ним сотворят чудо.

– Ну, хочешь, я буду рядом? Пусть он сначала со мной, а ты посмотришь. Это не страшно, – с надеждой спрашивает Женька.

Я качаю головой.

– Ну и оставайся нищим, колченогий придурок!

Он злобно стучит костылями, унося тощий зад навстречу светлой мечте. Кажется, я потерял единственного друга.

– По какому поводу ругачку устроили?

Я вздрагиваю от неожиданности и тут же расплываюсь в улыбке. Раздвинув ветки, на меня смотрит Марго.

– Сигареты не поделили? – усмехается она. – Я неподалеку окурок видела. Принести? Свеженький, еще не затоптали.

Горькая обида слизывает улыбку с моих губ. Я совсем не такой, как она думает, я совершенно другой. Сейчас докажу! Она должна это видеть! Я напрягаю руки, приподнимаюсь и отталкиваю коляску. Ноги, как сухие палки, пару секунд держат равновесие, а потом ломаются в коленях. Я рухнул бы на четвереньки, если бы Марго не подхватила меня.

– Ты чего? – пугается она.

– Я буду ходить.

– Seriously?

Она держит меня подмышки, я чувствую ее вздымающуюся грудь, а теплое дыхание оставляет влажный след на моей шее. Сейчас или никогда!

– Буду. Помоги. – Я обнимаю девушку за плечи, опираюсь и делаю шаг. Потом еще один.

– Вот это да. Ты же безнадежный.

– Кто сказал?

– Да так, слышала где-то.

– Я не безнадежный. Я докажу.

– Тогда вперед.

Я стискиваю зубы, пот катится по напряженной спине. Ноги отказываются подчиняться, но я не могу признаться в беспомощности.

– Ты тяжелеешь, солома. Давай к коляске.

– Нет. Еще! – И я шагаю. Но сил совсем не осталось. Кажется, это всё.

Марго усаживает меня в коляску, переводит дух и улыбается.

– Ты меня удивил, солома.

– Мышцы, – я ожесточенно мну свои ноги, – они еще слабые. Мне надо тренироваться.

– Я тоже тренируюсь. Хочешь, буду помогать тебе, солома?

– Нет, Марина.

– Почему?

– Потому что я не солома. Меня зовут Паша!

Она фыркает и передергивает плечи. Я вижу ее спину.

– Вообще-то я к Ате пришла.

Она ухаживает за котенком и рассказывает о себе. Я узнаю, что у нее была мама и младшая сестренка Катя. Они впервые поехали в Египет, приземлились ночью, но до отеля не добрались. Автобус врезался в опору моста. Катя умерла спящей. Она еще не умела говорить, и когда ее спрашивали, как тебя зовут, отвечала: Атя.

Марго нежно гладит рыжий живой комочек.

– Сестренка была рыженькой? – догадываюсь я.

– Катя была золотой.

Сестренка, котенок – эти слова рождают неясные воспоминания. Я уже видел в своем кошмаре маленькую девочку. Она была рядом со мной, когда надвигался самосвал. На ее руках был...

К черту кошмар! Я отгоняю мрачные мысли.

– А мама? Что с ней?

– Мама тоже погибла. А мне повезло. – Марго иронично показывает на то, что осталось от руки. – И вот уже пять лет, как я здесь.

– А я грохнулся об «камаз». Его долго чинили, – пытаюсь шутить я.

– Слышала. – Марго поворачивается ко мне без тени улыбки. – Я помню, как ты появился.

По глазам вроде сильный, а по ночам ревел.

– Это было давно!

– Я тоже редела. Помню, проснусь среди ночи и понимаю, она уже никогда не вырастет.

Мы смотрим друг другу в глаза, не улыбаемся, не моргаем, словно играем в игру «кто кого переглядит». Я поднимаюсь на руках, переносу вес тела вперед и отпускаю коляску. Ноги распрямляются. Марго стоит на моем пути.

– Уйди, – говорю я, стараясь держать равновесие.

– Ты в праве сам набивать шишки, но со мной дело пойдет быстрее. – Она ловко подныривает под мою руку и обнимает за талию. На ее другой, короткой руке примостился котенок. – Давай, Паша.

Круг из двадцати шагов, пройденный за пять минут, стал моим Эверестом.

7

Звонкий смех девушки катится по коридору, втискивается в стеклянные плафоны, пытается превратить их в гулкие колокольчики. С давно немытых светильников даже пыль слетает.

Свернуть было некуда. Преподаватель Денис Голубев отвел хмурый взгляд и прошел мимо смеющейся парочки.

Ну, чем этот урод мог рассмешить девчонку? Он жалкий колясочник, а она телка с упругими ляжками. Неделю назад орбиты их интересов не пересекались, как Венера и Марс, а сейчас Марго помогает Соломе выехать на прогулку. И хохочет, будто это ей в радость.

После неприятного случая в кабинете физиотерапии Дэн избегал смотреть в глаза Соломатину. Он мучился вопросом. Что это было: его микроинсульт или дьявольское колдовство упрямого чертенка? Так или иначе, подросток разрушил его план и победил, а этого нельзя прощать. Иначе даст трещину оточенная система, которую создал он, Денис Голубев! Солому надо унижить и растоптать, чтобы другим не повадно было! Еще раз переломать его упрямое тело. А то инвалид, похоже, умудрился даже встать с кресла. Недаром Валентина Николаевна говорила о каком-то прогрессе у Соломатина. Этого нельзя допустить!

«Всё должно идти так, как задумал я! Пять лет мои планы в этих стенах не давали сбоя».

Дэн юркнул в пустой класс и затаился у окна. Мстительный взгляд прощупывал двор. Так и есть. Парочка свернула в кусты за помойкой. Как и вчера. По два раза в день туда ездят. Чем они там занимаются? Почему так расцвел Солома? Парень сияет, словно его поцеловала радуга счастья? Калеку надо грохнуть об землю, пока у него не выросли крылья. Кисель, тоже хорош, не смог уболтать дружка отдаться в умелые руки. И что теперь делать? Время поджигает, Тиски ждет и скоро проявит недовольство. Колясочника ему подавай. Не сломленного Вонючку, а упертого подростка со странным пугающим взглядом. И Марго не по делу дорожку перешла. Пора телку сплавлять быкам на обкатку.

Дэн набрал телефонный номер Кабана.

– Привет Кабан, это Голубев, из интерната, – тихо сказал в трубку Дэн.

– А-а, Голубок, – отозвался насмешливый голос.

Дэн в сотый раз проклял свою фамилию. Наградил же папаша клеймом! Устроить, что ли, фиктивный брак с какой-нибудь Орловой или Волковой и взять фамилию жены? Надоели откровенные намеки. Хотя таким, как Кабан, с большой колокольни на закорючки в паспорте.

– Чего тебе, Голубок?

– Новую ампуту, надо объездить, – спохватился преподаватель. – Длинноногая девчонка без руки.

– А на мордашку как?

– Хорошенькая.

– Сам так решил? Ты же специалист по юнцам.

– Я в красоте разбираюсь! – обиделся Дэн, но тут же перешел на заискивающий тон: – Телка клеевая, в самом соку.

– Лады. Мы порезвимся. Правда, брат? – На заднем плане эхом заржал Моня.

Дэн знал, что мало похожие друг на друга Кабан и Моня на самом деле, известные в Верхневольске родные братья Саша и Дима Ручкины. Пьющая мать нагуляла их от разных мужиков. Старший Кабан прошел тюремные «университеты», там не облажался, и Савчук забрал земляков под свое крылышко в Москву.

– Когда передашь, телку? – спросил Кабан.

– Да хоть сегодня. Надо подъехать после восьми вечера с заднего двора. Девчонка будет там. Ее зовут Марина Андреева, откликается на Марго.

– Телка в теме?

– Была бы в теме, заранее не сплавлял. Пару деньков ее у себя подержите, а я пока паренька приготовлю. Потом обоих переправите в Москву.

– Подержим за все места, если девка стоящая. В прошлый раз ты такую мымру подсунул. Без ноги, да еще, дрянь, кусается. Пришлось ей зубки проредить.

– Марго фэйс не трогайте. Зачем товар портить.

– Как получится, Голубок. Если с нами нежно – на кой нам грубить.

Дэн замялся:

– Есть маленькая просьба.

– Чего еще?

– Пустяки. Для вас – раз плюнуть.

– Ты не финти, излагай.

– Парнишка попался упертый.

Дэн посмотрел на кусты, за которыми скрылся взбрыкнувший Соломатин, и объяснил, что требуется с ним сделать.

8

Рыженькая Атя упрямо хромает на трех лапах и повсюду тычет любопытную мордочку. Отлеживаться в коробке котенку надоело.

– А кость у нее срстется? – спрашиваю я.

– Должна, – отвечает Марго с некоторым сомнением.

Девушка идет впереди. Я вращаю колеса инвалидной коляски и наблюдаю, как бронзовая кожа ее ног то и дело касается края юбки. Сколько же томящей красоты в простых движениях.

– А как твои ноги? – Марго оборачивается.

Я в смущении перевожу взгляд на свои колени. Я только что протопал за кустами несколько кругов и с гордостью ощущаю теплую лому в бедрах. Еще неделю назад это казалось несбыточным счастьем, а сейчас я мечтаю бежать за смеющейся девушкой по луговой траве, как в фильмах про любовь.

Котенок издает жалобный писк. Марго подхватывает Атю, свалившуюся в канаву. Благодарная мордочка жмурит глазенки и ластится к ее груди. Эх, мне бы так! Как я завидую несмышленому животному.

– Показать бы ее ветеринару, – вздыхает девушка, гладит Атю по шерстке и чмокает в носик.

О, боже! Теперь я готов поменяться с котенком судьбой.

В наш тихий мир врывается рокот двигателя, с дороги сворачивает большой черный джип. Машина нагло расталкивает вечерние сумерки и неожиданно останавливается рядом с нами. Хлопают дверцы. По бокам джипа вырастают две фигуры в черных футболках и кожаных куртках. Один высокий жирный увалень, другой кряжистый крепыш с мышцами вместо шеи.

– Опаньки! Вроде про них болтал Голубок, – лениво изучает нас крепыш с лицом, похожим на помятое ведро. Ему около тридцати. Его пустые глазки над сломанным носом упираются в меня.

– Ничего киска, – сплевывает жирный, рассматривая отнюдь не котенка, а Марго. Он моложе напарника, улыбается слюнявыми губками и вежливо интересуется: – Марина Андреева?

Мечты наших малолеток начинаются именно с этого. Подъезжает добрый дяденька на дорогой машине, зовет ребенка по имени и говорит: «Я твой отец. Прости, что раньше не мог приехать». Это в детдома к памперсникам заглядывают усыновители с конфетами, а к нам школу-интернат для инвалидов фиг кто пожалует. Разве что заблудший папаша. Марго даже подалась навстречу приоткрытым стеклам автомобиля, но тут же остановилась. Во-первых, перед нами стояли молодые мордвороты, а во-вторых, она помнит, что ее папашу алкаша упекли в тюрьгу за постоянные избиения жены и дочерей.

«Помятое ведро» уловил ее первую реакцию и качнул ладонью высокому:

– Пакуй телку. А я пацана обработаю, как Голубок просил.

Ослабившийся увалень с явным удовольствием грабастает Марго и тащит в машину. Котенок шлепается на асфальт и пищит от боли. Марго брыкается, отбивается и сыпет ругательствами.

– Заткни ее, Моня! – раздраженно приказывает крепыш.

Высокий по имени Моня накрывает толстой лапой рот девушки. Не тут-то было! Марго впивается в него зубами, Моня взвизгивает и жалуется старшему:

– Кабан, она меня укусила!

– Что ты цацкаешься! – Кабан накручивает на кулак девичьи волосы и пригибает Марго к земле. – Тащи скотч, лепи пасть и клешню.

Нет! Хрен вам!

Я что-то кричу и разгоняю коляску, метя в толстые бедра Кабана. Попадаю колесом. Тому хоть бы хны. Он отталкивает меня и заклеивает Марго рот.

– Займись калеккой, Моня!

Я снова хочу ударить коляской, но меня перехватывают длинные руки. Моня бурчит под нос, словно вспоминает инструкцию: «Переломать ноги, но не портить фейс». Он оценивающе смотрит на мои ножки-палочки, хмурится от непонимания. «Зачем калечить калекку? Это не по понятиям», – слышу я. Моня поднимает правую ногу, и огромный ботинок толстой подошвой обрушивается на мою коляску. Я отлетаю, опрокидываюсь и скатываюсь в канаву. Сверху шлепается груда железа, еще недавно служившая мне единственным средством передвижения.

От страха я не понимаю, что происходит. Почему они упомянули Дэна Голубева? Куда тащат Марго?

– Оставьте ее! – кричу я.

Кабан даже не оборачивается. Моня ухмыляется и помогает ему запихнуть девушку в машину. Марго отчаянно сопротивляется. Ей залепили рот, примотали к телу здоровую руку, но она продолжает брыкаться. Я выползаю на обочину, проклиная собственное бессилие. Раздается какой-то особенно злой удар. Марго затихает, и я слышу лишь сопение и ругань бандитов.

– Сегодня мы на ней за всё отыграемся, – решает Кабан.

– Кинем на пальцах, кто первый? – предлагает Моня.

– Остынь, братан, вместе начнем. Поимеем во все дырки, – обещает Кабан, садясь за руль.

Хлопает дверца, урчит двигатель. Сейчас они увезут Марину, она исчезнет из моей жизни и достанется похотливым ублюдкам! Ни за что! Я не хочу, чтобы это произошло! Я не допущу этого!

Тяжелый автомобиль трогается и начинает разворачиваться. Над опущенными стеклами видны ухмыляющиеся рожи. Я сверлю взглядом их затылки и чувствую, как вскипает ненависть. Сознание формирует податливые копии бандитов. Огненный шарик в голове накидывается на их глиняные образы и превращает в керамические фигурки.

Застыньте!

Машина, делая разворот, не вписывается в узкую дорогу и ухаает передними колесами в канаву. Двигатель глохнет. Я стою на четвереньках и жду появления мощных озлобленных противников. Но в салоне автомобиля лишь глухо бумкает шансон.

Я плетусь к джипу, дергаю дверцу. Никаких окровавленных тел. Двое врагов застыли оцепеневшими, как я и хотел. Девушка безвольно покоится на заднем сиденье.

– Марина, – зову я, срывая скотч с ее губ.

Девушка не шевелится. Я замечаю пластиковую бутылку в дверце и плещу ей воду в лицо. Марго вздрагивает и открывает глаза. Я радуюсь, освобождаю ее руку. Она приподнимается и испуганно озирается. Двигающиеся зрачки Кабана показывают, что он видит нас и понимает происходящее.

Марго толкает Кабана, тот заваливается на дверцу.

– Что с ними? – удивляется она.

Я догадываюсь, что, как и Дэн, они парализованы. Однако это временный паралич, скоро оцепенение спадет, и они обрушат на нас удесятеренную ненависть.

– Нам пора уходить. Давай, я помогу.

– Ты? Мне?

Марго выходит, опираясь на мою руку, слышит писк Ати и спешит к котенку. Когда я выбираюсь на дорогу, она тискает его и сокрушается:

– Атя упала и снова повредила лапку. Она только-только начала срастаться. Изверги. Почему они напали на нас?

– Они упоминали Дэна. Это он их подослал. Он мстит мне.

– Тебе? Но при чем тут я?

Мне было всё понятно, но как объяснить ей? Как передать словами то, что Марина для меня значит?

– Дэн видел нас вместе и понял.

– Что он понял?

Я нахожу сравнение.

– Ты ценишь котенка, а я тебя. Только в сто раз сильнее.

Серые глаза удивленно смотрят на меня. Странные девчонки, даже то, что бандиты бездвижны, производит на нее меньшее впечатление, чем признание в очевидном чувстве.

– Ты ценишь меня. Как это понимать?

– Да так и понимай! – Я не смог подобрать другой синоним слову «люблю».

Марина смущается, смотрит на джип.

– Надо рассказать про этих козлов.

– В интернате? Бесполезно! Они напали с ведома Дэна. Так уже было. Помнишь, как исчезли Плюха и Белочка.

– Объявили, что они сбежали.

– Белочка без ноги, как она может сбежать!

– Говорили, что она напросилась к водителю-дальнобойщику.

– Про тебя бы тоже подобное сочинили.

– И что нам делать?

– В интернат нельзя. Там сволочь Дэн, бандиты скоро очухаются, и он снова нас сдаст. Надо спрятаться в городе.

– Бежать?

– А тебе понравилось в их лапах?

В машине кто-то зашевелился.

– У нас мало времени. – Я топаю по дороге, удаляясь от интерната, и прикидываю, надолго ли хватит моих сил.

– Подожди! – Марго сует мне котенка и спускается к машине. Возвращаясь, она хлопает дверцей, но удар какой-то мягкий. Из ее ладони торчат денежные купюры. – Вот, у высокого забрала. А квадратного дверью приложила, он гад мне чуть волосы не выдрал.

Марго шагает размашисто и упруго, а я с трудом переставляю плохо гнущиеся конечности. Мы порвали с прежней жизнью и удаляемся в неизвестность. Хотя, цель есть. Вот до того поворота бы успеть, пока бандиты не пришли в себя. Там где-нибудь спрячемся.

Мои ноги сначала тяжелеют, потом становятся ватными. Я падаю на колени. Марго с Атей впереди. Марина оборачивается.

– Что с тобой?

– Беги одна.

– А как же ты?

– Я не могу. Я обуза.

Ее глаза с тревогой смотрят поверх меня. Я слышу волнообразный рокот джипа, пытающегося выехать из кювета.

– Мы будем вместе.

Марго подхватывает меня единственной рукой и тащит. Мои ступни цепляются за дорогу, я теряю тапочки и шлепаю в носках. Быстрее, умоляю я свои полусогнутые ноги. Хотя бы до поворота! Неужели мы не успеем спрятаться! Мы, наконец-то, сворачиваем за угол, и рев джипа стихает. Но это не из-за преграды. Бандиты выбрали на дорогу и скоро будут здесь.

– Сюда! – показываю я на щель под забором, заросшую бурьяном. Инвалидность приучила меня смотреть на грязную землю, а не в просторное небо.

Марго ловко юркает в щель, я за ней. Уж чему-чему, а ползать за три года инвалидности я научился. Мы прячемся за ржавой бочкой и невольно прижимаемся друг к другу. За забормом слышен джип. Он останавливается. Щелкает открытая дверца. Кто-то идет и замирает у примятого бурьяна. Я задерживаю дыхание, а под моей рукой колотится сердце Марины. Я не заметил, как обнял девушку.

Ползут томительные секунды, ее сердце стучит вдвое чаще. И тут Атя издает тонкий писк! Я с ужасом смотрю, как котенок выкручивается из руки Марго, готовясь выразить недовольство всей силой своих крохотных легких. Нам конец! Бандиты услышат. Они помят, что у нас котенок.

Атя втягивает носиком воздух, сжимает пасть, чтобы спустя миг разверзнуть челюсти в диком писке. Я готов свернуть шею глупому животному, и видит бог, это единственный выход. А Марина нежно целует рыжую мордашку. И это срабатывает! Котенок молчит! Я потрясен. Ласка, оказывается, не менее эффективна, чем грубая сила.

– Я не врубился. Что это было, Кабан? – пугливо спрашивает Моня.

– Блин, у меня ноги еле ходят, – жалуется «помятое ведро».

– По ходу калеки смылись.

– Им некуда деться, мы их найдем. Теперь сучата мои должники. Особенно колченогий.

В следующий раз он пожалеет, что родился.

Джип уезжает. Можно перевести дух. Я задерживаю свою ладонь подмышкой у Марины, слушая, как утихомиривается ее сердце. Даже в самой плохой ситуации есть капля хорошего. Разве посмел бы я так смело обнимать девушку, если бы на нас не напали.

9

В грязное окошко, размером со сложенную газету, протискивается лунный свет. Луна в открытую, а я украдкой наблюдаю, как юбка Марины спадает с ее стройных ног, открывая взору обтягивающие трусики на круглой попке.

Ох, ни фига себе! В метре от меня раздевается самая красивая девушка. Луна видит подобное тысячи лет, а я впервые.

Мы так и остались на заброшенной стройке. Нашли строительную бытовку, убедились, что ею не пользуются, и решили переночевать в ней.

– Душно, – ворчит Марина, плюхаясь на нижнюю полку двухъярусной кровати, сбитой из досок. – Но дверь лучше не открывать.

Бытовка внутри напоминает купе поезда. Я сижу напротив, на симметричном топчане и вижу темную ямочку пупка на втянутом животе девушки. Между задранной футболкой и резинкой трусиков открывается обольстительный участок тела шириной с мою ладонь. Протяни руку и...

Ух! Действительно жарко. И ничего бы не изменилось, даже если бы сейчас за окном завывала выюга.

– Как тебе это удалось, Паша? Как ты их положил? – Марина опирается щекой на здоровую руку. В ее глазах мерцают угольки любопытства.

Я ложусь на спину и смотрю на струганные доски над головой, пытаюсь избавиться от провоцирующего видения гибкого девичьего тела.

– Сам не знаю.

– Но ведь ты и Дэна так же! А я не верила.

– Может они сами съехали в кювет?

– Ну да, скажешь! Чтобы два здоровых лба разом отрубались. Что ты сделал?

– Толком не помню. Хотел, чтобы они застыли. А потом голова сильно болела.

– Надо вспомнить. Это прикольно! – Марина вскакивает и дергает меня за рукав. – Давай тренироваться! Попробуй меня парализовать.

Я поворачиваю взгляд. О, боже! Если до этого доски не смогли завладеть моим вниманием, то сейчас даже яркая молния не отвлекла бы меня от выступающих бусинок сосков под девичьей футболкой.

– Ну, давай же! – Марина нетерпеливо трясет меня. Ее маленькая грудь колыхается, а я густо краснею.

– Я не смогу.

– Ну, почему?

– Тогда мне было очень страшно. За тебя. А их я ненавидел.

Марина садится ко мне. Ее обнаженное бедро касается меня и обжигает. Я не знаю, куда деть руки. Кажется, любое дополнительное прикосновение к девушке выведет их из подчинения.

– Бедный. – Она накрывает единственной ладонью мои две. Я с трудом унимаю дрожь. – Ты боялся потерять меня?

Она проводит рукой по моим волосам, и у меня отказывает речь. Да и что я могу сказать? Ответ равносильен признанию в любви. А что такое любовь? Горячее желание, огнем раздирающее мое тело, или та внутренняя боль, которую я почувствовал, когда схватили Марину?

– Ты хороший. Ты настоящий.

Она наклоняется, наши тела соприкасаются еще теснее, я чувствую ее влажное дыхание. Господи, неужели это не сон! Я никогда не был так близок с девушкой.

Марина чмокает меня в нос и вскакивает с веселым смехом.

– Ты так смешно тянулся ко мне, как Атя!

Она приседает в углу, где в ворохе тряпок спит котенок. Сонному рыжему комочку опять достается вся ее нежность. Черт! Неужели я ревную? А может когда-то Марина и меня также прижмет к груди. С мечтами о настоящей нежности, которую видел только в кино, я засыпаю.

Но сон приходит все тот же. Мне говорили, что при черепно-мозговой травме, часто выпадают несколько часов до трагедии. Организм словно не желает пускать боль даже в виде воспоминаний. Однако кошмар никуда не исчез, он продирается невинными кусочками, постепенно формируя страшную картину.

...Я сужусь в черный автомобиль. Это наш БМВ. Папа предупреждает, что ехать долго, а мне всё рано. В моих руках кубик Рубика! В век айфонов и планшетов это по-настоящему круто! Классика не стареет. У меня специальная модель для скоростной сборки. Кубик вертится так легко, что его можно собрать даже одной рукой! Я выучил нужные алгоритмы и тренируюсь на скорость. Каждый раз после сборки надо вернуть кубику прежний хаос. Я прошу об этом маму, ей надоедает, и вот папа из-за руля возвращает кубок мне.

Я кручу его долго, головоломка не поддается. Я злюсь и нервничаю, ведь обычно мой результат меньше трех минут. А папе весело.

– Ну что, хвостун, не получается? – Он забирает кубик и показывает, как оттянул и провернул на месте угловой элемент. Такое вмешательство делает сборку невозможной!

– Так не честно! – возмущаюсь я, отнимаю кубик и ударяю папу по спине.

Он шутиливо отмахивается, а мама паникует:

– Не отвлекайся от дороги!

Мы мчимся по загородной трассе. Папа зудит про нестандартные ситуации, когда надо включать голову. Обида заставляет меня спорить. Отец предупреждает, что в реальной жизни далеко не все играют по правилам, и если тебя обложили флажками, надо найти силы перепрыгнуть через барьер условностей. Я поднимаю взгляд, чтобы возразить и...

С этого момента и начинается мой бесконечный кошмар.

...Я вижу грязный оранжевый самосвал, несущийся навстречу, и понимаю, что сейчас произойдет непоправимое. Самосвал виляет на нашу полосу. Я сжимаюсь и пытаюсь увернуться от предстоящего удара. Я так концентрируюсь на сновидении, что иногда даже сваливаюсь с кровати. Но это не помогает. Каждый раз черный бампер оранжевого «камаза» влетает в салон нашего БМВ.

Крик, боль и мрак! Последнее, что я вижу – это яркий кубик Рубика, лежащий на белом снегу.

Этот сон ко мне приходит часто, порой высвечивая новые детали. Я теряюсь в догадках – это сохранившееся воспоминание, или игра воображения? Но папа с мамой настолько реальны, и мне верится, что память постепенно возвращает правду. Всякий раз я пытаюсь разглядеть человека в кабине «камаза». Я убежден, что мы ехали правильно. Это он свернул на нашу полосу.

Кто был за рулем?

Мне кажется, если я досмотрю кошмар до конца, я получу ответ на этот вопрос...

– Кто это? – Хриплый голос и резкие запахи вязкой грязью вторгаются в мой сон.

– Девка. Охереть. Голая!

10

Я вздрагиваю и просыпаюсь от крика Марго. Три бомжеватые фигуры вытеснили из бытовки чистый воздух. Один из них с выбитым зубом силой придавил Марго. Она визжит, ее пятки беспомощно колотят по настилу. Я вскакиваю, пытаюсь вступиться.

– Какого хрена занял наше место? – хрипит заросший бородой мужик, отбрасывая меня к стене.

Я вцепляюсь в него и получаю удар по виску от молчаливого третьего. Туман вязкой грязи возвращается, болото сна затягивает меня, звуки глохнут, я не разбираю слов, погружаясь в холодную топь забвения.

И вдруг, раскаленная стрела крика вонзается в мое угасающее сознание:

– Пашааа!!!

Марине затыкают рот. Я слышу животный смех двух бомжей, которые глумятся над моей подругой. Я разлепляю непослушные веки. Какой ужас! Беззубый всем телом навалился на Марину, а бородатый придавил ей руку и накиннул на голову куртку. Молчун сидит спиной ко мне и наблюдает, хлебная водка из бутылки.

Трещит разорванная ткань, на пол летит лоскут футболки, я вижу, как обнаженную грудь Марго сжимает грязная рука. У меня нет сил, чтобы дать отпор трем негодяям. Зато есть ненависть и колоссальное желание спасти любимую. Беззубый расстегивает штаны, приятель подбадривает его, но их образы уже сидят в моем сознании, а топка ненависти обрабатывает уродливые глиняные фигурки. Они твердеют, корчатся от мышечных спазм и сваливаются, поверженные силой моей ненависти. Мне кажется, я могу раздробить фигурки на осколки.

А что в действительности?

Бородатый дергается, как от удара током, и грохается на пол. Парализованное тело беззубого ублюдка застывает на Марго. Я протягиваю руку и тащу его за волосы, пока не слышу звук упавшего тела. Молчун удивленно взирает на меня. Его фигурки нет в моем сознании, он может двигаться. Я внутренне измотан. Мне не хватает сил, чтобы одолеть его физически, и если сейчас он замахнется той бутылкой, что держит в руке...

Молчун заглядывает в мои глаза, меняется в лице, роняет бутылку и пятится к выходу. Хлопает дверь. Хруст гравия между толчками ног становится чаще, пока не затихает вдали. На полу остаются два обездвиженных тела.

Вот это да! Неужели я победил!

Марина испуганно осматривается. Ее лицо мокро от слез. Культей руки она прикрывает голую грудь, пока здоровые пальцы пытаются соединить обрывки, оставшиеся от трусиков. Бесполезно. Ее колотит крупная дрожь. Она встает и лупит ногами по лежащему насильнику. Ей становится легче, а я впервые вижу пушок на женском лобке, и мне кажется, что полная нагота проигрывает недоговоренности одежды.

Моя рука тянется за брошенной бутылкой водки. Я глотаю обжигающую жидкость. Алкоголь, как гвоздь, прошивает язык насквозь. Ух! Я первый раз пью водку. Алкоголь растапливает ледяной холод, пришедший на смену огню ненависти.

Пока Марина одевается, я опустошаю остатки в бутылке. Она садится рядом и плачет, уткнув голову мне в плечо и прижимая котенка. Иногда сквозь всхлипы я слышу: «Паша, если бы не ты...»

О господи, сколько же слез у девчонок!

А потом меня тошнит. Марго вновь превращается в сильную девушку и зудит что-то о вреде пьянства. Она помогает мне выйти, находит на стройке кран и сует мою раскалывающуюся черепушку под струю ледяной воды.

Ух, это что-то!

Охладившись, я жадно припадаю к ржавому крану. Вода наполняет дергающийся желудок, и меня опять выворачивает. Однако становится ощутимо легче. Вскоре мы брызгаемся и смеемся в первых лучах восходящего солнца.

Начинается второй день нашей новой самостоятельной жизни. Продолжился он ограблением магазина.

11

Мы протискиваемся сквозь дыру в заборе и выбираемся на улицу. Перешагивая через канаву, я наступаю на бутылочный осколок и матерюсь от режущей боли.

– Солома, язык попридержи! – возмущается Марго.

– Тапки потерял.

Я рассматриваю порез на ступне, морщусь от досады. Кроме дырявых носков на моих ногах нет ничего. В интернате мне не полагалась обувь. Только тапки – летом обычные, зимой войлочные. К чему лишние траты, если парализованные ноги-палки вечно покоятся на подножке инвалидного кресла.

– Да-а, мы влипли, – вздыхает Марго.

Она с кислым выражением лица поправляет клочок разорванной футболки. Лохматый треугольник, величиной с ее ладошку, не хочет торчать вверх и сваливается, обнажая дивное плечо. Уныние на лице девушки царит недолго, она сводит брови и изучает мои ноги.

– Какой у тебя размер?

Я пожимаю плечами, с таким же успехом можно спросить собаку о вкусе морковки. Не дождавшись ответа, Марина обламывает куст, требует наступить на ветку, и укорачивает ее по размеру моей ступни.

– За мной! – в ее глазах какая-то цель, и она как умная ракета, вырвавшаяся со старта, обязательно ее накроет.

Мы едем в автобусе. Пассажиры узнают в нас интернатских и сторонятся. Наружная детвора разглядывает рваную одежду и босые ноги с брезгливым интересом. А нам с ярлыками ЧОВ по барабану правильные манеры и чье-то неудобство. Нас не волнуют тарифы ЖКХ и курс доллара. Когда проблема опорожниться в туалете, всё остальное мелочи, поверьте.

Мы сходим около магазина «Одежда – обувь». Я вспоминаю про деньги, которые Марго тиснула у бандитов и одобряю ее намерение. Но Марго меня удивляет:

– Иди к вокзалу и жди меня там. – Она передает мне котенка и, пресекая возражения, веско добавляет. – В магазин я пойду одна. Так будет лучше.

Я долго пялюсь на закрывшиеся за ней стеклянные двери. В житейских делах Марго дока, это факт. Но почему мне нельзя в магазин, и на кой нам вокзал? Ответ не заставляет себя ждать. Я слышу крик.

Ну, ни фиги себе!

Из распахнутой двери выскакивает Марго, прижимая единственной рукой ворох одежды. Она пронесется мимо меня, отгоняя меня взглядом, а сзади грузно топает нерасторопный охранник. Рвущиеся из его глотки ругательства мешают дыханию, а правильное дыхание – это главное в беге. Он отстает. Марго прыгает через кусты и скрывается за домом. Запыхавшийся охранник подбирает упавшую кроссовку и плетется обратно.

Я злой, как черт, но делать нечего, и я тащусь на вокзал. Марго уже там. И как выглядит!

Она в обтягивающих голубых джинсах, приталенной майке и модной курточке. Всё новенькое, на пустом рукаве нитка от этикетки болтается. Не сомневаюсь, что и о нижнем белье она позаботилась.

Марго сияет и кокетничает:

– Ну, как тебе?

– Ты с ума сошла!

Марго виновато улыбается и протягивает мне единственную кроссовку.

– Прости, уронила.

Я в бешенстве.

– Зачем ты украла?!

– Остынь, солома. Мне что, на витрины облизываться?
– Тебя могли схватить!
– А для чего я бегаю?
– Ты говорила про паралимпийские игры.
– Это когда еще будет. А жить надо сейчас.
– Но у тебя были деньги, Марго!
– Их я тоже украла, забыл? С твоей помощью, и ты не возражал.
– То были бандиты, а в магазине...
– Да какая разница! Есть я и ты – и есть все остальные! Как общество к нам, так и мы к нему! На нас напали, порвали одежду, меня лапали грязные убудки, и после этого я не имею права получить компенсацию?

– Если так будут действовать все...

– Мне наплевать на всех! И знаешь почему? Потому что всем вокруг наплевать на меня! – Она оборачивается и кричит прохожим: – Эй, вы! Моя жизнь – дерьмо, я брошусь под поезд! Помогите!

Прохожие шарахаются от нас.

– Вот видишь, – успокаивается Марго. – Нам никто не поможет.

Я насупился и молчу.

– Захотел вернуться к Дэну? – ехидничает Марго. – Катись! Он тебя заждался! Думаешь, я не знаю про его делишки? Он совращает мальчишек. И меня хотел продать, сука! А ведь Дэн еще не самый плохой. Он из тех, кто хоть что-то для нас делает, предлагает варианты. Иди! Может тебя устроят его сладкие перспективы.

Марго бросает мне под ноги кроссовку и забирает Атю. Она уходит и садится на дальнюю скамейку. Ее губы что-то шепчут рыжему котенку. Наверное, бездомный котенок со сломанной лапкой одобряет ее слова.

Я пинаю кроссовку. Получается неумело, сто лет не играл в футбол. Ноги гудят, я сажусь на скамейку. Меня и Марго разделяют сорок ее шагов и сто сорок моих, десять секунд ее бега и пара минут моего ковыляния. А что еще? Она целеустремленна, и действует, как думает. Я думаю точно также, но затеняю реальность верой во что-то светлое и благородное. Но вера удел слабых, а Марго хочет быть сильной. Сильнее полноценных с двумя ногами и руками, сильнее сверстников с мамой и папой, сильнее богатеньких в дорогих автомобилях. Для этого она заменила зыбкую веру сильной волей.

Я с волнением осознаю, что не могу быть один. Мне нужна Марго! Пока сорок шагов не превратились в пропасть, надо преодолеть их и извиниться. Я готов это сделать первым, чтобы не потерять ее.

Я поднимаюсь и сталкиваюсь с Марго. Ух, ты! Я не заметил, как девушка оказалась рядом с моей скамейкой. Марго смущается, отводит взгляд и поднимает кроссовок. Ей приходится сначала опустить Атю внутрь обуви, а затем поднять кроссовок, как лодку с рыжим путешественником. С одной рукой жить непросто.

– Кроссовок подойдет Цапле, – говорит Марго. – У него же правая нога, и этот правый.

Я расстроен. Она подошла только потому, что вспомнила об одноногом однокласснике.

– Его размер, – соглашаюсь я. – Правильно, что взяла. Цапле никто такой не купит.

– Чего расселся, солома? Пошли.

Обалдеть! Обыденное слово «пошли» приобрело для меня прямой смысл.

Марго тянет меня куда-то, мы не смотрим друг на друга, но я верю, что на ее лице сейчас такая же теплая улыбка, как и у меня. Я надеюсь, что я тоже ей нужен.

Мы оказываемся на привокзальном рынке. Помимо продуктов здесь продают поношенную одежду. Марго находит мокасины. Я примеряю, мне нравится, что они растоптаны и без шнурков. Мои руки забыли, как зашнуровывать обувь. Марго торгуется, платит, а потом мы

покупаем горячие пончики, обсыпанные сахарной пудрой, и пьем сладкий чай из пластиковых стаканов. Жизнь налаживается!

И тут я замечаю «помятое ведро» на мощных плечах. Кабан идет по рынку, крутит башкой, как перископом, и опрашивает торговков. За ним на некотором расстоянии топает Моня и лузгает семечки.

Надо срочно смываться!

Я тащу Марго за торговую палатку. Сзади вздымается высокая стена железнодорожного склада, бежать некуда. А Кабан уже рядом. Мы в полной заднице!

Кабан останавливается около тетки, торгующей пончиками.

– Мы пацана ищем из интерната. Он инвалидом был, сейчас ковыляет потихоньку. С ним еще девчонка без руки. Видела?

Бандит буравит угрюмым взглядом торговку. Она напугана. Я понимаю – мы пропали! Женщина не только нас прекрасно разглядела, пока мы ели около ее палатки, но успела выяснить, что мы из интерната. Она заметила, куда мы спрятались. Сейчас она скажет – и нам конец! Бандиты не будут церемониться. Они что-то просекли и специально держат расстояние между собой, чтобы я мог сконцентрироваться только на одном из них.

Я смотрю сквозь щель на губы женщины и умоляю – молчи! Не говори ни слова! Она приоткрывает рот. Нет! Ты немая! Ты разучилась говорить! Молчи! Мышцы ее лица каменеют. Торговка вздергивает руку, дотрагивается до щеки и испуганно ощупывает подбородок.

– Ты чего дергаешься, старая, видела или нет? – повторяет вопрос бандит.

Губы женщины продолжают оставаться гипсовыми, она испуганно мельтешит пальцами, жестом предлагает пончики.

– Кабан, ну чё? – спрашивает, подоспевший Моня.

– Немая дура! – сплевывает Кабан, цапает пончик и топает дальше.

И только тут до меня доходит, что в моем сознании плавает глиняная модель женского лица, я обжигаю пламенем мысли ее рот, чтобы он окаменел, и мне это удастся! Я парализовал отдельные мышцы! Голова трещит, я устало закрываю глаза и опускаюсь на корточки.

Марго трясет меня за плечо:

– Пронесло. Сваливаем.

Когда боль отпускает меня, мы выходим. Марина оставляет кроссовок продавщице пончиков.

– К вам приходят интернатские? Передайте им. Скажите, от Марго для Цапли.

Женщина кивает, ее губы дергаются. Она осеняет нас крестным знаменем и шепчет:

– Бог миловал, не выдала.

12

Денис Голубев прижал восковую полоску к бедру, прикрыл глаза и рванул ее от себя. Десятки волосков вместе с луковками вырвались из ошпаренной кожи. Яркая вспышка боли плавно превращалась в тепло блаженства. Он провел ладонью по ноге – вот то ощущение нежности, к которому он стремился.

Дэн был уверен, жизнь неполноценна без двух вещей – любви и боли. В идеальном случае эти два самых сильных чувства сливаются вместе. Ведь настоящая любовь – это особая боль. Он был доволен, что работает в интернат, где боли в избытке. Жизнь инвалидов-сирот переполнена болью души и тела. Им не хватает только любви, той самой грубой любви, которая разрывает юную плоть новой удивительной болью, переходящей в сладкую муку. Такие моменты счастья и горя он дарил избранным мальчикам, делая их жизнь богаче и полноценнее. Или хотя бы сытнее. Кто не разделял его чувств, получал боль унижения, боль отчаяния, боль страха, которая вечным капканом выдавливала из непокорного тела остатки человеческого, превращая мальчишку в кусок непотребной плоти. Не способен любить – довольствуйся только болью. В любом случае ты должен подчиняться правилам Дениса Голубева.

Так будет и с упрямым Соломатиным. Парнишка думает, что победил. Наивный. Когда ему переломают ожившие ноги, удвоенная боль накроет его. На этот раз без любви, от которой он отказался.

Раздался настойчивый звонок в дверь. Кого в такую рань принесла нелегкая?

Дэн припал к глазку. Савчук! Неясная тревога сменилась теплым предчувствием. А вот и денежки за живой товар. Обычно Тиски передавал их через братьев Ручкиных, а тут решил поблагодарить сам. Что ни говори, а Марго – особая конфетка. Торчал бы он от девиц, она бы досталась Тиски надкусанной и обмусляканной.

Щелкнул замок. На лестнице стояли еще двое. Тиски затолкнул Дэна в комнату и пихнул на диван. Коридор заполнили фигуры Кабана и Мони. Тиски заметил средства для эпиляции, оставшиеся на журнальном столике, и тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросил:

– Ну что, Голубок, поведай, кого ты ребятам сосватал?

– Лучшую ампути. Марина Андреева, шестнадцать лет. Вроде ее никто не успел... А что, она уже порченная? Я ничего такого... Я не знал.

– Я тоже пока не знаю. Речь сейчас не о ней, а о колченогом юнце. Говори!

– Солома? Юрий Николаевич, вы сами его выбрали.

Савчук сжал губы, ему не понравился скрытый упрек. Он приехал за Павлом Соломатиным, потому что получил конкретный заказ на него. Одни московский денежный мешок пожелал, чтобы мальчишка-инвалид загнулся от наркотического угара на его глазах. Желание странное, но мало ли у кого какие тараканы в голове. Вскрытие должно было показать, что сирота получал наркотики в обмен на сексуальные услуги. Типичная история, которую не будут расследовать. Минимальный риск за хорошие деньги. Одно непонятно, почему чокнутый бизнесмен хочет увидеть смерть именно этого подростка?

– Голуба, ты не забылся. Я спрашиваю, ты отвечаешь. И никакой отсебятины.

– Да. А что вы спрашивали?

– Расскажи про Соломатина.

– Обычный инвалид-колясочник...

– Обычный? Ты фуфло не гони, Голубок. Братья видели, как он ковыляет без коляски.

– Солома из безнадежных. Так считали. Но...

Савчук смял халат на груди Дэна, приподнял его и стиснул правую руку железной хваткой. Давление нарастало, Тиски оправдывал свое имя.

– Так бывает. – Тараторил перепуганный Дэн. – У Соломатина тяжелая травма позвоночника. Возможно, что-то растянулось или срослось, ноги стали двигаться. Но это легко исправить. Удар в поясницу битой – и он снова калека!

– Пацан не только ходит.

Тиски довел давление руки до предела и неожиданно отпустил. Декоративные подушки посыпались с дивана из-под тела рухнувшего Дэна. Сморщенный от боли Дэн ощупывал освобожденную руку, уже понимая, что фокус с обездвиживанием Солома проделал не только с ним.

– Рассказывай про пацана. Что он может и почему? И без фуфла!

– Павел Соломатин. Инвалидность после автокатастрофы. Уже три года. До последнего времени ничего примечательного, но однажды он посмотрел на меня и...

– Договаривай!

– Он парализовал меня. Временно. Я ничего не мог поделать. Только смотрел и всё!

– Во-во! И с нами такая же фигня! – поспешил оправдаться Моня. – Это не наш косяк, Тиски. Если бы педик предупредил, мы бы пацана сразу по кумполу!

– Как ему это удастся? – обратился Тиски к Голубеву.

– Я не знаю.

– Как это может быть вообще?

– Ну... Разряд электричества, электрошокером. Он парализует, – вспомнил Дэн.

– Парень к вам притрагивался? – Савчук обернулся к помощникам.

– Нет, – затряс головой Кабан. – Мы в машине сидели, в натуре. А он на дороге валялся. «Неужели Солома смог обездвижить таких амбалов?», – ужаснулся Дэн.

– Еще гипноз, – торопливо предположил он. – Гипнотизеры умеют подавлять волю и управлять телом.

– Они сначала зубы заговаривают, а этот молчал по ходу.

– Посмотрел, как в панцирь заковал, – подтвердил Кабан. – А Одноручка бабки увела. Ощипала, сука, как обдолбанных.

– Я думал, что только со мной у него получилось. Случайно, – лепетал Дэн.

– Только с тобой, – передразнил Савчук. – Предупреждать надо, петушок. А думать буду я. О чем еще ты умолчал?

– Всё! Это было только один раз!

– Один, говоришь. – Савчук опустился в кресло. – Выкладывай, как пацану это случилось?

Оказавшись на расстоянии от Тиски, Голубев счел возможным принять достойную позу хозяина квартиры, который безмерно уважает своего гостя. Он рассказал о происшествии, немного приукрашивая свою беспомощность.

– Выходит, в первый раз пацан спасал себя, а во второй – девчонку, – задумался Савчук. – Он уложил вас, когда оказался в безвыходной ситуации.

– Сверхспособности! Они пробуждаются при сильном стрессе! – ухватился за мысль Дэн. – А Солома головой ударенный, в коме лежал. Некоторые после такого начинают болтать на неизвестном языке, а этот стал гипнотизером.

– Он не гипнотизер. Он – парализатор.

Савчук нахмурился. Незнакомый парень интересовал его всё больше и больше. Жизнь научила опытного преступника, что из любого таланта можно извлечь криминальную выгоду. Вот Голубок ловко соблазняет мальцов, Тиски в свое время немало денег выдавил железным рукопожатием, а тот, кто обладает даром парализации, способен на большие дела.

Как бы проверяя свои способности, Тиски подхватил медную вазочку с искусственным цветком и сдавливал ее до тех пор, пока она не превратилась в морщинистую трубочку. Он с удовлетворением отшвырнул ее.

- Где Солома может быть сейчас?
- Я думал, они оба у вас. В интернат они не вернулись.
- Не зли меня, Голубок.
- Обычно наши беглецы закупаются на вокзале. День-два поторчат и возвращаются. Если не надумают из города свалить.
- А если надумают? Куда они направятся?
- Как правило, ищут родственников.
- Вот и дай мне их адреса. Парализатора и его девчонки.
- Они сироты, но я могу уточнить. У нас хранятся личные дела.
- Подготовь. Братья приедут к тебе и заберут.
- Без проблем, сегодня же.
- И если ты увидишь мальчишку, Голубок, сразу звони мне. А то я тоже умею парализовать. Навечно. В цементе. – Тиски говорил, не повышая голоса. Он убедился, что угрозы, произнесенные спокойным тоном, действуют эффективнее.

Незванные гости ушли. Дэн подобрал испорченную вазу, попытался вынуть из нее зажатый цветок. Тщетно. Дэн подумал, что лучше бы ему столкнуться с Соломатиным. Против странного инвалида у него еще есть шансы, а против Тиски – никаких.

13

Весь день мы с Марго кантуемся у вокзала, там и бросаем на ночь кости на жесткие скамейки. Интернатских сирот служащие не гоняют. Я отрубаясь, как убитый, а Марго спит чутко, это нас и спасает. Под утро на вокзале появляются бандиты, мы еле ускользаем, успевая затаиться под платформой на железнодорожных путях.

– Злопамятные попались. Хотят нас достать по любому, – сокрушается Марго.

– Хрен им! – храбрюсь я, бросая тревожный взгляд на уходящих бандитов.

Следующую ночь мы коротаем на крайней скамейке длинной платформы. Здесь не работает фонарь, и набухающий сумрак наваливается на наши плечи. И чем плотнее темнота, тем резче звуки. На дальних путях ухают и гремят сцепками тяжелые товарняки. На первом звонко пересчитывают стыки пассажирские. Некоторые останавливаются, и тогда гукающий голос вверху наталкивается на собственное эхо и забивает уши ватными обрывками фраз. А самые чистые поезда проходят без остановки, мелькая вереницей белых табличек с названиями городов, которые не успеваешь прочесть.

Я пью пиво, курю и сплевываю. Настоящий мужик на свободе! Марго играет с Атей. Котенок ловко двигается на трех лапах за бумажным бантиком на нитке.

– Ну что ты как верблюд, Солома. Котенку негде погулять.

Я быстро уяснил: когда Марго недовольна, мое имя – Солома. Как звучит из ее уст ласковое Паша, я уже и забыл.

– Больше не получишь пиво. Нам деньги на еду нужны.

– Не пропадем. Будем собирать бутылки, – бахвалюсь я.

– И ради этого я сбежала из интерната? – сверлит меня взглядом Марго.

Вот черт! Она права! Мы сбежали, чтобы выжить. Мы выжили, но этого мало. Как жить-то дальше?

– До интерната ты где жила? – спрашиваю я.

– В Солнцево, это в Москве. Пока в Египет с мамой не поехала...

Дальше я знаю. Перевернутый автобус, зачуханная больница, ампутация раздробленной руки, и наш интернат.

– А папа у тебя есть?

– В тюрьме сидит. Или вышел... Считай, что нет. А ты откуда?

– Кажется, из Москвы.

– Кажется?

– После катастрофы у меня с головой проблемы были. Кое-что помню, а многое, как в тумане. Вот ты сказала «Солнцево», мне это слово знакомо. Эх, если бы кто-то мне рассказал про прежнюю жизнь, я бы наверняка всё вспомнил.

– Забей! Какая разница, что было раньше. Ты в интернате, значит сирота.

– В интернате... – Я опускаю бычок в пустую бутылку, отряхиваю штанину. – А наши сейчас сериалы смотрят.

– Они всегда в экран пялятся.

Это точно. Мозги у благотворителей затесаны одинаково, как приедут – вот вам деточки телевизор! И сами собой любят. Им так удобно, не каждому ребенку по компьютеру, а дешево – и для всех. У нас телевизоры в любом фойе, самые лучшие растащила администрация интерната. Ну не в сортир же их ставить! И всё свободное время наши детки и воспитатели тупо смотрят сериалы про наружную жизнь. Девчонки любят мелодрамы, мальчишки мордобой. Только песенный конкурс «Фактор-А» с Юлей колясочницей объединил всех.

– Атя! Атя! – Марго вскакивает и тревожно озирается по сторонам.

Она бежит к темному углу пакгауза. Видимо туда исчез котенок вслед за оторвавшимся бумажным бантиком. Мне не нравится мрачный закоулок, и громкий крик Марго меня беспокоит, ее могут услышать. Я встаю, иду к краю платформы, старясь заглянуть в черноту прохода между стеной и железной дорогой. Сзади нарастает гул рельс, слышится протяжный гудок. Приближается проходящий, он не снижает скорость. Марго уже за углом, она смотрит вниз и не видит, как от стены отделяется черная фигура. Человек выставил вперед руки, он неудержимо прет на нее! Мою спину толкает упругая масса, мчащийся поезд гонит перед собой воздушную волну. Проектор выхватывает профиль человека.

Твою ж мать! Это толстый бандит по имени Мони. На его лице оскал. Сейчас он толкнет Марго под поезд!

Я кричу: «Маринаааа!». Но грохот колес накрывает мой голос, как водопад щепку. Я ничего не успеваю придумать, просто несусь вперед. Остановить! Помещать! Сбить!

Бандит уже около Марго, а она нагнулась за котенком. Моя голова наклонена, и я, как бешенный бык, врезаюсь башкой в подбородок Мони. Мы падаем на платформу. Поезд проносится, кромсая горячими колесами ошметки холодной ночи.

– Пашка, – замечает меня Марина. – Ты цел?

Ну, наконец, заметила!

Я поднимаюсь с поверженного Мони, трогаю лоб. Наверняка будет шишка.

– Это он! – Марго узнает оглушенного бандита. – Ты его парализовал?

– Не успел. – Помимо головы гудят ноги. Не помню, чтобы бегал так быстро. – Надо сваливать. Рядом может быть Кабан.

Мы удаляемся от вокзала по темным улицам.

– Рано или поздно они нас достанут. Нам надо уехать из Верхневольска, – решает Марго.

– Давно пора, – соглашаюсь я.

– Но у нас мало денег. Нужны еще, чтобы купить билеты.

– Да.

– Что значит «да»? – Марго останавливает меня. – Ты готов?

– К чему?

– Достать деньги.

– Как?

Марго толкает меня к стене и целует в губы.

Офигеть! Это что-то!

От неожиданности я не успеваю почувствовать себя счастливым. Только сжимается живот и стучит сердце. Она отпускает меня. Мои глаза расширены, щеки заливают краска.

– Конспирация. Чтобы она не заметила наши лица, – шепотом объясняет девушка.

Я окончательно растерян. Марго кивком показывает на женщину, только прошедшую за нашими спинами.

– Останови ее!

– Зачем?

– Нам нужны деньги. Парализуй!

– Но...

– Ради меня, ради нас. – Ее ладошка скользит по моему лицу. – Быстрее, она уходит!

Я перевожу взгляд на затылок прохожей и напрягаюсь, пытаюсь представить ее глиняный образ в своем сознании. Чувствую, что не могу сконцентрироваться. Раньше моей энергией служили страх или ненависть, но что плохого сделала мне эта незнакомая тетка.

– Утром поезд в Москву. Мы должны уехать, – подталкивает меня Марго.

Я делаю несколько шагов вслед за женщиной, глаза уперты в ее прическу. Она что-то чувствует и оборачивается. К этому моменту глиняный образ из подсознания обретает нужную твердость. По телу женщины пробегает судорога. Ее мышцы каменеют, и она оседает, закрывая

глаза. Марго сует мне котенка, подбегает к упавшей и роется в сумочке. В руке Марго деньги, кошелек летит на тротуар.

– Смываемся! – Марго дергает меня.

Я смотрю на раскрытый кошелек. Под пластиком фотографии двух малышей. Кто эта женщина? Скорее всего, продавщица, спешащая после долгой смены к уснувшим детишкам. Сколько она зарабатывает? Судя по старой одежде и стоптанным туфелькам, она всё тратит на детей.

Я догоняю Марго.

– Сколько взяла?

– Еще одна такая дура – и на билеты хватит.

– Покажи.

– Вот! Всего три тысячи.

Я выхватываю деньги и возвращаюсь к женщине. Убираю их в кошелек, привожу в порядок сумочку. Женщина открывает глаза.

– Вам стало плохо, но скоро пройдет. Извините.

Я увожу за угол готовую взорваться Марго.

– Идиот! – вскипает она.

– Она ничего нам не сделала.

– Она целая! Еще заработает! А что делать нам?

– Успокойся.

– Не лечи меня, Солома. Может, ты мне руку вернешь? Давай! Как ей деньги!

– Не кричи, нас могут услышать.

– Они нам должны по жизни. Все! Они здоровые, а мы калеки. Они угробили нас, мою маму и сестру, и пусть теперь платят!

– Тебя угробили в Египте.

– А тебя здесь, и что?

– И то! В нашей сегодняшней проблеме виноват Дэн. К нему мы и пойдем, – неожиданно решаю я.

– Ты сам говорил, что Дэн с бандитами заодно.

– Поэтому он и заплатит. – Я стараюсь успокоиться. – Марго, лучше Атю уйми.

Котенок пищит в дергающейся руке Марины. Она прижимает его и сюсюкает что-то ласковое. Девушка-взрыв, думаю я. Может обжечь, а может приголубить. А если при новом ограблении, она опять для конспирации поцелует меня? Может, стоило согласиться?

– Я знаю, где живет Дэн. Кисель рассказывал.

– Кисель тоже из его гарема? Вот сволочь! А к девчонкам завхоз пристаёт. Видел, кому одежду чаще меняют?

– А ты? – пугаюсь я. Марина всегда неплохо одевалась.

– Подкатывал, сука! Получил баклажан между ног. А шмотки я в магазинах беру.

– Должны по жизни?

– Молодец, усвоил.

Вспоминая тех, кто прошел через лапы Дэна и сгинул, мы подходим к его дому. В мой мокасин попал камушек, но я долго его не вытряхивал. Меня радовала эта позабытая боль.

Мы поднимаемся по лестнице, я встаю напротив квартиры Дэна, сморю в глазок с покорной невинностью. Виновато улыбаюсь и давлю на звонок. Марго держится так, чтобы ее не заметили.

– Ты? – раздается удивленный голос за дверью.

– Я согласен, Дэн. Сделаю всё, что захочешь, только накорми, – умоляю я.

Дверь распахивается. Улыбка Дэна наталкивается на мой изменившийся взгляд. Он замечает Марго, вытягивается от удивления и хватается за телефон. Не тут-то было! Мы мешаем ему захлопнуть дверь перед нашим носом, и вваливаемся в квартиру.

– Тиски, он здесь, – успевает крикнуть Дэн, прежде чем сваливается обездвиженным под напором моей ненависти.

– Про какие тиски он болтал? – спрашивает Марина, отключая выпавшую трубку.

– Тиски – это инструмент, – успокаиваю я, потирая разболевшуюся от напряжения голову. Сеансы парализации не проходят для меня бесследно.

14

– Как только увидишь его, сразу бей в лоб! Усек? – наставлял Тиски Кабана, пока шел от ресторана к джипу. – Чтобы он отключился и ничего не успел предпринять.

– Врежу.

– Только совсем не пришиби, мальчишка мне нужен живым. И ломать ему ничего не надо.

– А Голубок, вроде, базарил, что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.